

попаданец
ТОПШАНО

Владимир
Марков-Бабкин

ИМПЕРИЯ
ЛЯЗГ ГРЯДУЩЕГО

Попаданец (АСТ)

Владимир Марков-Бабкин
Империя. Лязг грядущего

«Издательство АСТ»

2023

Марков-Бабкин В.

Империя. Лязг грядущего / В. Марков-Бабкин — «Издательство АСТ», 2023 — (Попаданец (АСТ))

ISBN 978-5-17-156055-3

Войска Японии нарушили границы Маньчжурии и вторглись на территорию Великого Княжества Сунгарийского. Все предложения Единства о мирном урегулировании вопроса были проигнорированы японской стороной. Официальный Токио также отказался обсуждать статус Южного Сахалина, Курильских островов, портов Дальний и Порт-Артур. В сложившихся условиях ТАРР уполномочен заявить: с нуля часов 3 августа 1921 года Имперское Единство России и Ромеи находится в состоянии войны с Японской империей. Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами.

ISBN 978-5-17-156055-3

© Марков-Бабкин В., 2023

© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	22
Глава 3	31
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Владимир Марков-Бабкин

Империя. Лязг грядущего

Посвящается моей семье

Отдельное спасибо Виталию Сергееву

Часть первая Дальневосточный рубеж

Глава 1 Ледяные ветра

ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ. ОСТРОВ САХАЛИН. ПРОЛИВ НЕВЕЛЬСКОГО. САХАЛИНСКИЙ УКРЕПРАЙОН. ФОРТ ПОХОБИ.

1 февраля 1921 года

Метель усиливалась, и снежные вихри плясали в свете фонарей состава, прибывающего со стороны находящейся по ту сторону пролива крепости Лазарева. Паровоз дал протяжный гудок, и, обдав встречающих клубами пара, с лязгом остановился. Зазвучали команды, из пассажирских вагонов начали выпрыгивать прибывшие солдаты, залязгали открывающиеся двери вагонов товарных, осматривали закрепленную на открытых платформах технику, в общем, поднялась обычная, полагающаяся случаю выгрузки, суета. Впрочем, генерал Голенкин прибыл не за этим.

Штабной вагон. Открываются двери.

– Алексей Владимирович, рад видеть вас.

Прибывший генерал фон Шварц кивнул:

– И я рад видеть вас, Фёдор Ильич. Погоды у вас стоят чудные.

Голенкин усмехнулся:

– На материке лучше?

Фон Шварц лишь махнул рукой.

– Такая же дрянь, уважаемый Фёдор Ильич. Такая же дрянь. Еле пробились сквозь метель. Чем порадуете?

– Ну, боремся со сном всеми возможными способами, для чего изыскиваем себе всяческие развлечения.

– Похвально, Фёдор Ильич, похвально. Чувствую, что скучать вам тут не приходится.

Голенкин кивнул.

– Да, Алексей Владимирович, тут вы правы. С этим снежным бураном развлекаемся круглосуточно.

– Понимаю. Зато нескучно живёте.

Зима для снабжения Сахалина имела как плюсы, так и минусы. Конечно, по открытой воде снабжение и переброска осуществлялась посредством нескольких паромов; с установлением же прочного льда в проливе Невельского проложили временную узкоколейку и один за другим гнали на остров составы с продовольствием, вооружением, личным составом, боеприпасами и прочим обмундированием. Однако и снежные заносы были самым обычным делом, так что бригады «чистильщиков» находились не только в постоянной готовности, но и почти всегда в деле.

Когда летом 1918-го их двоих неожиданно вызвали к государю, ни один из них даже предположить не мог, о чём пойдет речь на самом деле, ведь совершенно очевидным казалось совещание о ходе строительства Западного рубежа – цепи крепостей и укрепрайонов вдоль западной границы Империи. Но, как оказалось, не тут-то было.

Нет, в самом начале аудиенции государь много и подробно расспрашивал о ходе фортификационных работ, но затем, кивнув, подвел итог: «Что ж, я вижу, что на Западном рубеже

всё идет своим чередом и держать специалистов такого класса для рутинной работы совершенно не нужно. Сдайте дела своим заместителям. Вас ждет Дальний Восток».

Да, вот уже два с половиной года они возводят Дальневосточный рубеж – цепь укреплений, крепостей и прочих казематов от Читы, через Маньчжурию и Владивосток до Сахалина, Камчатки и Чукотки. И если касаясь Чукотки и острова Ратманова пока следовало лишь обеспечить безопасность метеорологических станций, то в остальном всё было очень и очень серьезно. А уж после прошлогоднего инцидента на КВЖД, когда банды хунхузов зверски убили почти всех пассажиров элитного «Дальневосточного экспресса», стало понятно, что война с Японией становится практически неизбежной. Именно после этого оба генерала получили из Константинополя Высочайшее повеление ускориться, насколько это вообще возможно, и быть готовыми к началу боевых действий не позднее апреля 1921 года.

Генерал Голенкин командовал Сахалинским укрепрайоном, и именно подготовку УРа и прибыл инспектировать генерал фон Шварц. Задача перед командованием укрепрайона стояла простая, как копеечная монета – ни в коем случае и никоим образом не допустить выбивания русских войск с территории Сахалина. С перспективой стать плацдармом для изгнания японцев со всей территории острова. Именно для этого два с половиной года шли серьезнейшие работы, именно для этого подвозили войска и прочее обеспечение, именно потому здесь оказались Голенкин и фон Шварц. Опыт Порт-Артура, Осовца, Ивангородской крепости, а, главное, опыт Рижского укрепрайона нужно было перенести сюда, да так, чтобы основные узлы обороны могли сражаться с превосходящими силами противника минимум полгода безо всякого подвоза, пополнения и прочего снабжения.

Минувшее лето было очень горячим. Остров и Сахалинская область на материке превратились в одну большую стройку. Строили капониры, строили теплые казармы и жилье, в скалах долбили пещеры и галереи, в которых размещали арсеналы, боеприпасы, склады различного назначения. И это вдобавок к обычным складским сооружениям, ведь в городах и селениях, на территории воинских частей и просто в укромных местах размещались склады, мастерские и прочие вспомогательные объекты.

Зимой строить было невозможно (и не требовалось), но зато вставший лед позволил соединить остров с Большой землей железной дорогой, и на остров потекла река снабжения.

Генерал Голенкин не испытывал ни малейших иллюзий относительно щедрости начальства. Империя не любила разбрасываться ресурсами почём зря. Значит, что-то действительно грядет.

Подготовка велась по всем направлениям, даже косвенным. Так, Империя в разы, особенно младшим и штаб-офицерам Дальневосточного рубежа, подняла размер жалованья, а уж про всякие «квартирные», «северные» и прочие надбавки и говорить было нечего. Всё было по высшему разряду. Но и ответственность возросла до самой высшей планки.

Вообще же, нынешний российский младший офицер и в остальных частях Империи в массе своей больше не жил впроголодь. Они больше не должны были покупать обмундирование за свой счет. Нет, шик и показная роскошь полков лейб-гвардии всё так же оплачивались самими гвардейскими офицерами, но стандартную гвардейскую форму они тоже получали за счет казны, как и все остальные. Всё – парадная и повседневная форма одежды, полевая форма, форма для практических упражнений на полосах препятствий, спортивная форма для гимнастики – всё это выдавала своим офицерам Империя.

Но для Дальневосточного рубежа довольствие было совершенно сказочным. Да таким, что многие офицеры из более теплых округов писали рапорты с просьбой о переводе в эти края.

Империя готовилась к большой войне. И готовилась отнюдь не как это бывало прежде – то есть не на словах и не шапкозакидательскими реляциями. Готовилась всерьез. Без дураков.

– Ну что, Алексей Владимирович? Прошу в авто!

– Да, пожалуй, Фёдор Ильич, едем. Не будем смущать занятых людей генеральскими погонами.

Через минуту несколько гусеничных машин отъехали от перрона и устремились на юг, к Александровску-Сахалинскому.

ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. РОМЕЙСКАЯ ИМПЕРИЯ. КОНСТАНТИНОПОЛЬ. ДВОРЕЦ ЕДИНСТВА. КВАРТИРА ИХ ВЕЛИЧЕСТВ. 1 февраля 1921 года

Сон и кошмар.

Две белые мраморные плиты.

«Императрица Мария Федоровна. 1847–1917».

«Императрица Мария Викторовна. 1901–1921».

Букет красных роз на белом мраморе.

Ветер.

Черные ленты букета шевелятся на ветру, словно живые.

Разумеется, на могиле матери лежит такой же точно букет, но взгляд мой прикован только к плите передо мной и к золотым буквам имени. Сегодня бы моей Маше исполнилось тридцать четыре года...

Когда-то, возможно, весьма и весьма скоро, рядом появится и моя плита. «Император Михаил Александрович». Вот только годы жизни будут стоять ненастоящие. Во всяком случае год моего рождения будет точно липовым, никто же не напишет «1975».

Попаданец хренов.

Сильный порыв ледяного ветра вырывает из-за пояса ремня мой пустой рукав. Сашка раздраженно кричит:

– Да двери-то закройте, в конце концов!

– Сию минуту, государь!

Он помогает мне вновь заправить рукав за ремень и обеспокоенно спрашивает:

– Ты как, пап?

Невесело усмехаюсь.

– Бывали дни и получше.

Да. Лучше бы мне вместо руки и ноги в том взрыве оторвало голову. Никогда не прощу себе, что в тот раз посадил Машу справа от себя. Хотя я точно не хотел бы видеть её на своём месте. По крайней мере, она погибла мгновенно и без мучений.

Четырнадцать лет прошло, но я так и не примирился с утратой. Впрочем, я и с жизнью примирился с трудом. Если бы не невозможность передать корону, если бы не крайнее малолетство наследника престола, я бы вряд ли так долго коптил небо. Но теперь-то я император-пенсионер. Официально отрекшийся от престола в пользу сына. Так что довольствуюсь лишь ролью ворчащего советника при молодом императоре.

Четырнадцать лет. Мои спецслужбы хваленые так и не смогли установить, кто стоял за тем взрывом в Москве. Говорят, что бомбистом был псих-одиночка. Не знаю. Может быть, и так. Я искал, используя все свои возможности, но тоже ничего и никого не нашел. Я подозревал всех и грешил на всех, но не было у меня ни доказательств, ни даже обоснованных подозрений. Да и сам-то я тогда выжил лишь чудом, лишившись всего лишь правой руки, правой ноги и любимой женщины, беременной моим так и не родившимся ребёнком. Всего лишь...

Да, будь на улице мой родной 2015 год, возможно, медицина что-то и смогла бы сделать, но мы всё ещё отстаем на сотню лет. Сто лет.

Императрица Франции положила мне руку на плечо.

– Пап, с тобой всё в порядке?

Киваю.

– Да, Викусь, я в порядке.
В полнейшем.
Провожу ладонью по белому мрамору.
Потерпи, любимая. Я уже скоро.
Я уже иду к тебе.
Как же я соскучился...

* * *

...Резко поднимаюсь в постели. По лицу медленно стекают крупные горошины пота. Меня просто трясёт.

– Что случилось, любимый? – Маша прижимается к моей спине, обнимает плечи и нежно целует мою шею. – Что-то приснилось, да?

Целую её руку.

– Да, кошмар приснился. Разве в первый раз? Спи.

Но я никак не могу успокоиться. Выдавливаю:

– Я... пойду, водички выпью.

Тяжело поднимаюсь с постели и набрасываю халат. Чувствую, как дрожат колени. Адреналин просто переполняет меня.

На кухне вместо графина с водой рука сама потянулась к холодильнику. Початая бутылка коньяка. Нет ни желания, ни возможности искать бокал в темноте. Чмок открываемой пробки, судорожные несколько глотков прямо из горла бутылки. Благородный напиток щедро обжигает горло.

На кухне вдруг загорается свет. Маша в халате обеспокоенно входит в дверной проём.

– Миша, я никогда не видела тебя таким испуганным. Что случилось?

Качаю головой.

– Нет. Не знаю. Ничего. Просто кошмар. Наверное...

Жена приложила ладонь к моему лбу.

– Ты весь в поту. Что случилось?

С нервным оптимизмом пожимаю плечами. Но жена мягко настаивает, заглядывая мне в глаза с явным беспокойством.

– Расскажешь? Говорят, рассказанный кошмар уже не страшен.

Качаю головой.

– Нет, там сумбур какой-то. Без смысла. Просто кошмар, один из многих. Я уже и не помню толком ничего.

Машу нельзя пугать. Ей рожать со дня на день.

Жена долго вглядывается мне в глаза, явно стараясь понять причины моего столь большого испуга. В ответ, я лишь обнял её за талию и поцеловал в губы.

– Иди спать, солнышко. Мне нужно ещё немного посидеть. Я скоро.

– Ну, нет, в таком состоянии я тебя наедине с бутылкой точно не оставлю.

Она взяла меня за руку и повела за собой. И уже в постели прошептала:

– Миша, что бы тебе не приснилось, помни – это лишь сон. Просто сон. Лучше обними меня.

Через минуту Маша лежит в моих объятьях, а моя рука лежит на её круглом животе. Там мой сын или моя дочь. А это моя жена. И они живы.

ЖИВЫ!!!

ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ. ОСТРОВ САХАЛИН. ПРОЛИВ НЕВЕЛЬСКОГО. САХАЛИНСКИЙ УКРЕПРАЙОН. АЛЕКСАНДРОВСК-САХАЛИНСКИЙ. 1 февраля 1921 года

Фон Шварц смотрел по сторонам, силясь сквозь снежные вихри и белые жгуты разглядеть улицы Александровска. Да, город менялся.

Скажем прямо – в столице Сахалинской области за прошедший год произошли большие изменения. Как и во многих местах области на острове и на материке, в самом Александровске шло практически непрерывное строительство. Вот только в городе, помимо военных объектов, также много строилось двух-трехэтажных жилых домов, возводились школы, ясли и больницы, открывались Дома Освобождения и реальные училища, обустроивались места торговли и общественного питания, даже появилась некоторая претензия на культурный досуг, а о местном Доме офицеров по острову уже ходили настоящие легенды. Во всяком случае, даже до Владивостока дошли вести о потрясающей воображение «Рождественской сказке», которую давали для местных детишек силами самих господ офицеров, их жён и детей.

Впрочем, здесь, как и в Большом Владивостоке, возводя новые районы, строители не забывали и о подземных бетонных убежищах по всему городу. Убежищах, в которых за считанные минуты могло укрыться всё население в случае начала обстрела с моря или бомбардировки с воздуха. Причем учения по гражданской обороне проводили минимум раз в месяц в любую погоду.

Наконец их «Руссо-Балт», с приводом Кегресса (что было обязательным зимой в этих краях), встал у входа в штаб Сахалинского укрепрайона. Дежурный распахнул дверцу, и в салон авто тут же выпуклой стеной ударил заряд снега и морозного воздуха.

Генерал Голенкин, прикрываясь от ветра и снега своим башлыком, прокричал:

– Прошу вас, Алексей Владимирович!

Фон Шварц накинул на голову капюшон своего башлыка и, обреченно крякнув, шагнул в метель, благо до входа в здание было рукой подать. Уже в приемной, отряхиваясь от снега и избавляясь от шинели, прибывший прокряхтел:

– Да, уж, Фёдор Ильич, погода-то нынче разгулялась.

Голенкин деловито кивнул адъютанту.

– Иван Константинович, организуйте нам чаю, что-нибудь к чаю, бутылочку коньяка и к коньячку. И распорядись нам баньку.

Адъютант склонил голову, а хозяин пригласил гостя в свой кабинет.

Фон Шварц, всё с тем же кряхтением, опустился в хорошее кожаное кресло, сказав мечтательно:

– Да, баньку сейчас – это хорошо. Весьма и весьма способствует, знаете ли. Да-с. Эти сутки пути дались очень тяжело, я всё время боялся, что нас просто где-то занесёт. Снег как с цепи сорвался.

Голенкин кивнул:

– Да, узкоколейку с материка приходится всё время расчищать от заносов, иначе эшелоны просто встанут. Нам пришлось вдоль трассы на льду пролива развернуть целые лагеря для обогрева и отдыха, чтобы бригады могли работать, сменяя друг друга, могли поесть горячей пищи, да и просто согреться. Снабжение и обеспечение у них там по высшему разряду, скажу я вам. Усиленное питание, теплая одежда, валенки добротные.

Гость кивнул, оценивая услышанное. Да, с некоторых пор в Империи не приветствуется небрежительное отношение к нижним чинам. А если они там ещё и помёрзнут, то трибунал будет неизбежным. Ответят все. Преступная халатность, повлекшая за собой человеческие жертвы, и подозрение на умысел и диверсию против боеспособности Армии Единства, и, как итог, оскорбление Священной особы его всевеличия. Ведь погибнут его любимые вернопод-

данные. Приговор однозначный – смертная казнь через повешение. Публичная смертная казнь. В назидание другим.

С другой же стороны, не выведи ты людей из теплых казарм на расчистку снега и допусти остановки железнодорожного сообщения с материком – и статья о небрежении служебными обязанностями и вредительстве станет тебе приговором. Вот и крутились местные начальники как только могли, еще летом продумывая, как эта расчистка будет зимой осуществляться, как, какими силами, чем эти силы кормить, снабжать, обогревать, где это всё брать, кто за что отвечает и так далее. И никого не будут интересовать оправдания про то, что кто-то там чего-то не подвез, что заказывали одно, а привезли другое, что начальник склада в запое, а каптёр ушел на ночь к какой-то вдовушке в деревню. За это всё стреляли нещадно. Сам генерал Голенкин собственноручно расстрелял перед строем с десятков таких вот орлов. В том числе и за пьянство во время дежурства.

А народ у нас, кстати, понятливый. Если всё правильно объяснить и показать, что никакого кумовства у нас нет и кара неотвратима для всех. И точно так же, как спящего на посту во все времена казнили перед строем, так тут всех, кто позволял себе вольности на ответственном посту, расстреливали публично. Объяснив перед этим личному составу, что сей персонаж своими действиями или бездействием поставил под угрозу их жизни и здоровье, ведь из-за него, к примеру, они могли остаться без теплых вещей, валенок и прочего на жесточайшем морозе. Или без усиленного «северного» пайка.

Солдаты же, в свою очередь, быстро смекнули что к чему и уже не сдерживали себя в докладах наверх относительно недостойного поведения, к примеру, того же начальника вещевого склада. Так, если этот начальник склада начнет что-то там мутить и гнать подотчетный товар налево, то доклад командованию поступит незамедлительно. Прямо от помощника начальника склада и поступит, ведь иначе их расстреляют вместе. А если помощник в «доле», то и без него найдется десяток внимательных неравнодушных глаз. Осуществлять хищения и пить водку на работе стало вдруг смертельно опасно. За все эти «художества» тоже стреляли на раз-два. Не говоря уж о количестве расстрелянных по итогам регулярных ревизий. А проверяющим уже не расскажешь, что, мол, «крысы поели». Поели? Не принял меры и допустил? Пожалуйте бриться!

Конечно, расстреливали только в самых вопиющих случаях, когда нужно было показать строю, а так, за более мелкие прегрешения, виновных ждали мрачно знаменитые 13-е Особые отдельные батальоны Инженерно-строительного корпуса, в которых как раз такого рода каторжники и собирались. Людьюми каторжники не считались, а были «условно казненными лицами», без прав и даже без имени. Лишь номера, худая одежда да паршивая пайка. Их одевали ровно настолько, чтобы они немедленно не замерзли насмерть и могли работать, а кормили ровно настолько, чтобы хватило сил до завтра. И так изо дня в день на самых жутких работах, куда обычных солдат и рабочих посылать не с руки.

Нет, и там можно было как-то отличиться, получить послабление режима, за которым последует перевод в обыкновенные арестантские роты, а там, глядишь, за ударный труд и примерное поведение могло и условно-досрочное освобождение замаячить, но большинство так и гибли в этих 13-х ООБ ИСК. И таких 13-х ООБ ИСК хватало по всей Империи. В каждой Особой отдельной бригаде ИСК таковой «особый» батальон имелся. А бригад таких уже было больше тридцати.

Причем обычные каторги уже практически опустели, а те, которые что-то добывали, были переведены в подчинение Тринадцатого особого Главного управления Инженерно-строительного корпуса Армии Единства. А уж «Тринадцатая» открыла свои широкие объятия для всего отребья: воры-рецидивисты, революционеры, убийцы, бомбисты, насильники и прочая злая публика сразу после следствия и приговора отправлялись, как они говорили, «на тринадцатые хлеба», минуя традиционные места отсидок. Кирку или лопату в руки и вперед.

Конечно, это не было тайной. Об этом свободно печаталось в прессе, случались даже дебаты в Государственной Думе, но общественное возмущение попытками спасти насильников и убийц от кары было столь велико, что всерьез эту тему уже никто не обсуждал. Да, и граф Суворин умело поддерживал общественные настроения на сей счет, часто очень ярко живописуя в прессе очередной случай убийства почтенного семейства с целью ограбления или какого-нибудь громкого изнасилования. Да так, что у обывателя кровь в жилах стыла!

Неудивительно, что подданные тут же преисполнились благодарностью к Михаилу Второму за то, что при нём в городах и на дорогах Империи был наведен порядок.

Собственно, понятно, что «Тринадцатые» подчинялись командованию ИСК сугубо функционально, в рамках поставленных производственных задач. Охраной же «спецконтингента» и заботой о нём занималась Внутренняя стража под отеческим присмотром Отдельного корпуса жандармов. Со всеми вытекающими для «сидельцев» последствиями. Так что многие из числа попавших в 13-е ООБ ИСК вспоминали обыкновенную каторгу, как рай на земле. А уж про «ужасные условия» в поселениях политических ссыльных и говорить не приходится, ибо не было больше таких поселений. Ссылка для политических предусматривалась только в одну сторону – в Мексику или в Гватемалу. А такую ссылку нужно было ещё заслужить. Остальным же «политическим», в случае их отказа от прекращения насильственной борьбы с Империей, была только одна дорога – в «Тринадцатую».

Но если «политические» хотя бы могли в любой момент подать прошение на Высочайшее имя и раскаяться, вернув себе тем самым свои гражданские права, то у уголовников и прочих расхитителей такой возможности не было.

Дорога в один конец.

Утилизация мусора.

* * *

– А во Владике погода лучше?

Фон Шварц рассмеялся:

– Когда я, милостивый государь, выезжал из Владика, там хоть и было морозно, но светило солнце, а на небе не было ни облачка.

Принимающий высокое начальство Голенкин усмехнулся.

– Ну, тот тоже иногда так бывает, Алексей Владимирович, уж поверьте.

Гость не стал возражать.

– Верю. И надеюсь, что погода в ближайшие дни будет нам благоволять. Я собирался осмотреть состояние укрепрайона и в особенности то, что успели построить за то время, пока меня здесь не было.

Командующий УРом пожал плечами.

– Конечно, всё посмотрим и осмотрим. Но только после окончания бури, иначе заметёт нас где-то в холмах, а когда найдут – будет уже поздно. На Сахалине погода очень коварна. Благо все основные узлы укрепрайона обладают известной автономностью и могут месяц воевать и жить изолированно от внешнего мира, значит, они устойчивы и к капризам погоды.

В дверь постучали.

– Ваше превосходительство. Чай, коньяк и всё полагающееся случаю. Банька топится.

Кивок генерала.

– Спасибо, голубчик. Проследи там.

– Не извольте беспокоиться, ваше превосходительство, всё будет в самом лучшем виде, вы же меня знаете.

Штабс-капитан козырнул и исчез за дверью.

Фон Шварц крякнул.

– Он что же у тебя, из «зеленых»? С чего вдруг «превосходительство»?

Голенкин усмехнулся в бороду.

– Ну, не всем довелось повоевать в Великой войне. Так что я для него «превосходительство» пока, а не товарищ генерал. Ничего, придет и его время. Зато хороший организатор делопроизводства, да и в прочих задачах весьма проворен.

Гость пожал плечами.

– Ну не знаю. А где, кстати, твой любимчик капитан Николаев? Ты же с ним всю войну прошёл, ещё с четырнадцатого.

Хозяин развел руками:

– А у него жена сегодня рожает, я его к ней и отпустил. Чего он тут будет в приёмной на стены лезть от переживаний?

Фон Шварц согласно кивнул.

– Да, так с ним что-нибудь нехорошее приключиться может. А как у вас сейчас с родильным домом?

Голенкин с гордостью ответил:

– Летом достроили новый большой и, главное, теплый родильный дом. С Большой земли прислали и всё необходимое оборудование, и врачей, и сестёр милосердия.

– Прекрасно. И много нынче у вас рожают?

– Только за январь трое. А так, вообще, девять офицерских жён на сносях, плюс жёны унтер-офицеров УРа, а там уже порядочное количество. Плюс роддом принимает рожать и местных жительниц, так что они там точно не прохлаждаются.

– Дело хорошее. Что-то с Большой земли роддому нужно?

Кивок.

– Подполковнику медицинской службы Горшенину нужно всегда, всего и побольше. Уверен, что список желаемого у него готов в любой час дня и ночи. Впрочем, его озабоченность понять я могу, ведь гарнизон растёт с каждым месяцем, да и население прибывает на остров постоянно. Вчера вот только поезда доставили горно-стрелковый батальон полного штата и комплектации, а с ними ещё пятьдесят шесть человек переселенцев.

Фон Шварц дожевал последний бутерброд и, запив его чаем, деловито потёр руки.

– Ну-с, Фёдор Ильич, пока топится банька, не пройтись ли нам обзорно по карте острова? Что сделано, что планируется сделать и прочее.

– Охотно-с. Прошу.

Голенкин подошёл к расстеленной на большом столе карте и, начал доклад.

Алексей Владимирович слушал, кивал, задавал вопросы. Что ж, пролив Невельского не только был самым надёжным образом перекрыт для прохода японских сил, но и простреливался на значительную глубину береговыми батареями. Фактически вход в пролив Невельского был блокирован на линии бухта Тихая – залив Тык, что на полсотни километров южнее переправы на материк. Таким образом японцы не имели ни малейшей возможности прервать снабжение Сахалина со стороны материка. А значит, не могло быть и речи о том, чтобы удушить остров блокадой.

Вообще же, местность благоприятствовала обороне острова – сплошь горы да реки, холмы да овраги. Тут и там бетонные укрепления УРа, там и сям засеки и минные поля, все дороги простреливаются из всех видов оружия, включая тяжелую артиллерию.

На флангах располагались капониры дальнобойной артиллерии, совершенно неуязвимые для фронтального огня противника, но имеющие возможность вести прицельный фланговый огонь вправо и влево от своих позиций. Были построены ходы, дороги и железнодорожные ветки, позволяющие быстро перебрасывать силы между отдельными укреплениями. Вдобавок к стационарным и полустационарным батареям была организована мобильная артиллерийская группировка, которая позволяла оказывать поддержку полевым частям. Оборудовались поле-

вые позиции, многие из которых были вынесены далеко вперед или на фланги. И, конечно, разветвленная сеть пулеметных. На каждой позиции создавали бетонные убежища, способные выдержать артиллерийский обстрел из орудий калибром до шести дюймов включительно.

Все укрепления, батареи и наблюдательные пункты были сведены в единое целое системой телефонной и радиосвязи. Радисты и штабы были обеспечены карточками шифров.

Разведка и корректировка огня осуществлялась не только посредством наблюдательных пунктов на земле, но и при помощи регулярной воздушной разведки, впрочем, даже морально устаревшие аэростаты наблюдения вовсе не стали достоянием истории, обеспечивая командование и канониров сведениями о происходящем вокруг.

К уже имеющимся в Сахалинском укрепрайоне батареям полевых и морских орудий прошлым летом были добавлены орудия тяжелой и особой мощности, а также два дивизиона ТАОН, с полагающимися дивизиону «Тяжелой артиллерии особой мощности» по штату 305-миллиметровыми гаубицами Обуховского завода. На ключевых высотах были установлены 305-миллиметровые морские орудия всё того же Обуховского завода, которые позволяли бить в море на дальность свыше 30 километров от берега.

Все места, более или менее пригодные для морского десанта, были прикрыты бетонными дотами, обеспечивающими перекрестный кинжальный огонь по возможному месту высадки из пулеметов, автоматических пушек и орудий полевой артиллерии. Нечего и говорить, что сами подходы с моря к таким местам были прикрыты батареями 130-миллиметровых морских противоминных орудий.

Нет, осуществить высадку с моря на Сахалин японцам не удастся. Да и штурм по суше из Южного Сахалина однозначно захлебнется кровью. И хваленый японский флот тут ничего не сможет сделать, ему просто не дадут подойти к берегу на дистанцию эффективного огня. Преодолевать такие укрепления японцы не умеют, подобной практики у них никогда не было. Сахалин – это им не Порт-Артур.

А вот русские после Моонзунда не раз доказывали, как эффективно они умеют противостоять вражеским превосходящим морским силам, если опираются при этом на подготовленный берег. Авиация, опять же. У японцев её практически нет, зато русская авиация имеет богатейший опыт сражений, в том числе и на море. Так что...

ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. РОМЕЙСКАЯ ИМПЕРИЯ. КОНСТАНТИНОПОЛЬ. ДВОРЕЦ ЕДИНСТВА. КАБИНЕТ ЕГО ВСЕВЕЛИЧИЯ. 1 февраля 1921 года

– Баронесса. Я позвал вас по известной и естественной причине, и причина эта – здоровье государыни. Есть ли что-то беспокоящее вас, о чем я должен знать?

Улезко-Строганова отпила кофе из изящной чашки и откинулась на спинку кресла. Она с минуту помолчала, обдумывая ответ.

– Государь! Беременность протекает непросто. Был тяжелый токсикоз, повышенная активность плода, да и в целом. С другой стороны, государыня молода, и это не первые её роды, что важно для благополучного разрешения. Она ежедневно проходит обследования. Плод активен. Императрица душевно и физически бодра, а здоровье у неё хорошее. Мы, готовимся к различным ситуациям, но хочу успокоить ваше всевеличие – особых поводов для беспокойства я не вижу.

– То есть вы, Клавдия Петровна, считаете, что всё в порядке?

Она пожала плечами.

– Я думаю, что для волнений у вашего всевеличия нет особых причин. Ну, кроме обычных для подобного случая душевных переживаний по поводу родов и пола будущего ребёнка.

Помолчав, уточняю:

– Когда вы ожидаете начало схваток?

– Минимум дней через пять, государь. Не раньше.

ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. РОМЕЙСКАЯ ИМПЕРИЯ. КОНСТАНТИНОПОЛЬ. ДВОРЕЦ ЕДИНСТВА. КАБИНЕТ ЕГО ВСЕВЕЛИЧИЯ. 1 февраля 1921 года

– Значит, никаких признаков нет, и поводов для беспокойства вы не видите?

Главы моих спецслужб нерешительно переглянулись. Наконец генерал Васильев поднялся с места:

– В настоящее время мы не располагаем сведениями о готовящихся покушениях на Священные особы ваших императорских величеств.

Хмуро смотрю на него.

– Ищите. Лучше ищите. И не забывайте о судьбе вашего предшественника, генерала Скалона. Он меня тоже тогда 1917-м уверял, что все под контролем, а погибли сотни людей, включая мою августейшую мать, членов императорской фамилии, главу правительства и прочих высокопоставленных лиц.

Генерал явно сглотнул. Если император уж вспомнил о том взрыве на Красной площади, то значит, дело плохо. Явно государь располагает какими-то сведениями, которых у него, Васильева, нет. А это очень чревато. В том числе и Высочайшим неудовольствием. Мягко говоря.

– Так точно, государь! Утроим все силы!

Перевожу отеческий взгляд на генерала Курлова. Тот вскакивает и, оправив мундир, склоняет голову:

– Так точно, ваше всевеличие! Утроим!

Посверлив командующего Отдельного корпуса жандармов взглядом, киваю:

– Вы свободны, господа генералы. Займитесь делом.

Те отковыряли и покинули мой кабинет.

Обращаюсь к застывшему по стойке смирно шефу Службы безопасности Высочайшего двора генералу Климовичу:

– Вот что, Евгений Константинович. Сведения, полученные мной, туманны, но угрозу я чувствую. Я уже пережил столько покушений, что начинаю дуть на воду.

– Понимаю, государь.

– Все запланированные на эту неделю мои появления на публике будут отменены. Посему можете сворачивать свои мероприятия по обеспечению безопасности там и возвращать своих спецов на обеспечение безопасности дворца. В ближайшую неделю на территорию не пропускать никого, кроме тех, в ком есть самая острая потребность, тем более близко не подпускать никого нового. Все назначенные аудиенции я просмотрю сам, но присмотритесь к спискам лиц сопровождения, всех этих помощников, консультантов и прочих экспертов. Естественно, никто из них не должен пронести во дворец оружие или взрывчатку.

Климович кивнул.

– Сделаем, государь.

– Далее. Перекрыть проезд вдоль дворца со стороны набережной и со стороны стен парка. Нанесите визит на крейсер «Аврора». Формально для согласования усиления мер безопасности и обеспечения невозможности приблизиться к дворцу со стороны Босфора. Заодно оглядитесь там на крейсере. У меня нет оснований никого ни в чем подозревать, постарайтесь быть предельно корректными.

Генерал бросил взгляд в окно, где буквально в паре сотен метров от нас стоял на якоре трехтрубный крейсер.

– Понимаю.

– Если вопросов нет, вы свободны.

Климович козырнул и откланялся.

Заглянул мой камердинер Евстафий Елизаров с кофейником на подносе.

– Государь, ваш кофе.

Он поставил передо мной поднос, где нашлись в том числе и бутерброды, и вполголоса доложил:

– Государь, все команды отданы, мои люди заряжены. Предварительно ничего настораживающего в настроениях в Городе не выявлено. Но мы работаем.

Киваю.

– Благодарю, Евстафий. Держи руку на пульсе.

Мой шеф личной тайной разведки склонил голову и исчез за дверью.

Отпив из чашки, задумчиво гляжу куда-то туда, в пространство за окном. Холодная в этом году зима. И в Ромее холодная, и в особенности в России. Очень мало выпало снега, да и осень не радовала крестьян обильными дождями. Август прошлого года уже показал ощутимое падение урожайности в половине европейской части России, а осень лишь усугубила ситуацию.

Что ж, *откровения* сбываются. То ли ещё будет...

Разумеется, я Маше не рассказал о приснившемся мне сне. Но уже с утра принялся энергично принимать меры по усилению безопасности. Да, я отдавал себе отчет в том, что это всего лишь дурацкий кошмар, но он был настолько пугающе реален, что игнорировать его я не мог. Само моё попаданство сюда из 2015 года было необъяснимым чудом само по себе, да и после этого случались ситуации, когда я, будучи настороже, умудрялся избежать катастрофы, а иногда и гибели. Так что, как говорится, береженного Бог бережет. Благо ни перед кем в своих действиях или повелениях я отчет был держать не должен.

И не собирался.

ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. РОМЕЙСКАЯ ИМПЕРИЯ. КОНСТАНТИНОПОЛЬ. ДВОРЕЦ ЕДИНСТВА. ОРАНЖЕРЕЯ. 1 февраля 1921 года

Маша уютно расположилась на какой-то тахте, обложившись подушками и прочими подушечками, а самая главная её ценность была устроена с максимальным удобством. Императрица что-то с интересом читала, привычно держа правую руку на животе.

Вокруг порхали и пели птицы, журчали ручьи, фонтаны и искусственные мини-водопады, колыхались листьями экзотические деревья.

Целую её в губы.

– Что читаешь, любовь моя?

Жена, не поднимая глаз от книги, ответила спокойно:

– «Мертвые души».

– А... а почему именно это?

Маша пожала плечами.

– Хотя бы потому, что я, к стыду своему, не всё читала из господина Гоголя.

Я кашлянул и поинтересовался:

– И как?

– Господин Гоголь, как всегда – на высоте. Очень вкусный русский язык. Книга тоже хороша. Чичиков, Манилов, Ноздрев, Собакевич, Коробочка, Плюшкин – все раскрыты максимально колоритно. И читается очень легко.

Не зная, что сказать, усаживаюсь на диван напротив, но жена просит:

– Миша, присядь рядом со мной.

И вот мы уже сидим вместе, она положила голову мне на плечо и вздохнула:

– Знаешь, Миша, что-то мне грустно. Какое-то томление в душе. Словно я в поезде, который вот-вот увезёт меня из родных мест, страница моей жизни перевернется и всё, что дорого сердцу, останется там, на привычной платформе...

Тут звук над головой привлек мой слух. Спрашиваю настороженно:

– Это что, кукушка?

Маша кивнула.

– Но... гм... кхе-кхе... откуда она здесь?

– Привезли с новой партией птиц.

Кукушка прокуковала несколько раз, резко замолчала, и лишь хлопанье крыльев указывало сторону, куда она упорхнула.

– Кхе-кхе...

Я перевел дыхание.

– В общем так, любимая. У меня сейчас большое совещание, но после этого я вернусь к тебе, и мы проведем вечер вместе.

Маша с интересом спросила:

– Споёшь мне?

Киваю.

– Столько, сколько захочешь.

Улыбка.

– Ну, тогда иди на своё совещание, мой любимый стратег.

Уже в дверях, она меня окликнула:

– Миша.

Оборачиваюсь.

– Да, солнышко?

Маша серьезно смотрела мне в глаза.

– Миша, всегда знай, я люблю тебя...

У меня было тяжело и тревожно на душе, когда я закрывал дверь между нами...

ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. РОМЕЙСКАЯ ИМПЕРИЯ. КОНСТАНТИНОПОЛЬ. ДВОРЕЦ ЕДИНСТВА. КАБИНЕТ ЕГО ВСЕВЕЛИЧИЯ. 1 февраля 1921 года

Мы заседали уже третий час, да так интенсивно, что у многих из присутствующих уши в трубочку сворачивались от острого желания курить, а поскольку дымить у себя в кабинете я не позволял, то вот уже второй раз пришлось объявлять перерыв на четверть часа. Убедившись, что никаких новостей касаемо Маши не поступило, я распорядился насчет кофе и, по своему обыкновению, стоял у окна, глядя на Босфор.

По Проливу шёл оживленный трафик, что неудивительно, с учетом того, что Проливы не замерзают. Вообще, география Проливов и самой Ромеи максимально способствовала торговле. Мне до сих пор не очень-то понятно, как туркам удалось привести Город и свою империю в столь унылое состояние. Столько веков бесконечного упадка и длинной череды проигранных войн. Пока Великая война нашими с болгарами руками их не добила окончательно...

– Ваш кофе, государь.

Киваю.

– Благодарю, голубчик. Поставь на кофейный столик в углу.

Кофе на столе. Дверь закрылась. Господи, вот уже третий час мы заседаем. Гори оно всё огнём. Китай. Японцы. Американцы. Сахалин и Камчатка. Маньчжурия и Монголия. Восточный Туркестан и Афганистан. Зачем я здесь?

Стук в дверь. Господи, вновь совещание. Опять и снова.

– Да!!

Испуганный адъютант:

– Ваше всевеличие...

ТЕКСТ ВИТАЛИЯ СЕРГЕЕВА

V. Uliani d'Herbenville¹. «О прогрессивном империализме Г. Кроли и сути „освобожденчества“». «Bandera rosa»². 24 января 1921 года

В последнее время некоторые наши товарищи сильно увлечены работами американского реформиста Герберта Кроли³. В своей совершенно буржуазной «Новой Республике» прошлый год он печатал отчет о поездке в Россию и Европу. Наши модераты (пер. – умеренные) нашли в словах этого прогрессивиста «много созвучного с ультраимпериализмом Каутского». Некоторые даже думают, что в России этот перерастающий в социализм уклад почти наступил. Нет и ещё раз нет!

Изменился ли за пять лет после опубликования моей работы «Империализм как высшая стадия капитализма» экономический строй в России или в Европе? Конкуренция стала отыгрывать рынки у монополии? Монополистические союзы не продолжают делить мир и вывозить более капитал, чем товары? «Великие державы» перестали делить мир? Думаю, что на все пункты честный марксист ответит: нет! И то, что после Великой войны одни из государств и монополий ослабли, а молодые хищники Россия, Германия и САСШ откусывают от дряхлеющих империй кусок за куском, иногда просто разрывая их, только подтверждает это. Ещё Энгельс отмечал, что «прогрессизм и экспансионизм идеологически соответствуют друг другу». Недавние захваты русскими Маньчжурии и Кувейта, аншлюс Германией Австрии, а Румынией Трансильвании прекрасно показывают, что территориальная экспансия – и есть буржуазное понимание прогресса.

Нам дела нет, успеют ли САСШ занять свое место в «эстафете мировых империй», или «через тысячелетия пальма первенства снова вернется к Новому Риму». Кроли не там ищет. Но надо отдать должное: он верно подметил общность германского, русского и североамериканского империализма. За словами о том, «что и Римская империя была естественным продолжением Римской республики, распространяя власть империи на новые народы и эмансипируя большую часть её жителей до равного положения с гражданами Рима...», американский журналист разглядел общность экономики и политики при различных государственных формах.

Объединив американскую «прогрессивистскую республику» с европейскими «прогрессивистскими монархиями», Герберт Кроли отмечает, что сами условия хозяйственной жизни и классовой организации диктуют им общее направление развития, и «по сути, все передовые экономические страны объединяет «прогрессивный империализм». Кроли останавливается в одном шаге от того, чтобы честно сказать, что всемирные монополистические кланы ставят все достижения прогресса на службу укреплению собственной власти и более глубокой эксплуатации колоний и собственных граждан. Но мы марксисты, не можем позволить себе роскоши не сделать к правде этого решительного шага.

Не менее ужасная, чем сяолиньская⁴ «Резня в Окое»⁵, кровавая расправа североамериканской армии с шахтерами у горы Блэр⁶, жестокое изгнание китайцев русскими и японцами из Маньчжурии⁷, разгром и депортация Италии членов «рабочих советов»⁸, массовый террор

¹ V. Uliani de Herbenville – В. И. Ульянов в те дни секретарь Коммунистического интернационала, министр юстиции Мексики.

² «Bandera rosa» – «Алое знамя», ежедневная газета Коминтерна в Мексике.

³ Североамериканский журналист, идеолог прогрессивизма, редактор нью-йоркского журнала «Новая республика».

⁴ Имеется в виду кровавый налет хунхузов на «Дальневосточный экспресс» в урочище Сяолинь в апреле 1920 года.

⁵ Нападение белой толпы на афроамериканских жителей в северной части Окои, штат Флорида, которое произошло 2 ноября 1920 года, в день президентских выборов в США. Около пятидесяти негров были убиты в этот день, в последующие дни насилие продолжалось, цветное население было полностью изгнано из Окои.

⁶ Крупнейшее вооружённое восстание со времён в истории САСШ. В течение недели в начале апреля 1921 года в округе Логан, штат Западная Виргиния, более 10 000 шахтёров с оружием в руках сражались против армии частных детективов, полицейских и штрейкбрехеров. Битва завершилась после указа президента о вмешательстве армии США.

⁷ Имеются в виду мероприятия проводимые властями Японской и Российской империй по поиску и ликвидации банд хунхузов после «Резни у Сяолиня», в ходе которых с территории Северной Маньчжурии и из 30-километровой полосы у

английских частей на юге Ирака⁹ и обезлюживание Кувейта¹⁰... Таковы за прошедший год успехи империалистического прогресса.

Именно в эту свору международных «прогрессивных» хищников и вломился русский царь Михаил со своим посконным освобожденчеством. Которое, по сути, есть монархический государственно-монополистический капитализм, маскирующийся под социализм планированием и патернализмом, деспотический полуфеодальный авторитаризм, скрывающийся под ликом буржуазной демократии...

Да, русский капитализм в последние годы приобрел все черты империализма. Причем в силу феодальных пережитков, империализма ещё более государственно-монополистического. При всей конституционной мишуре самодержавие сохранило за собой главную монополию – монополию на власть, чем охранила национальный капитал, даже активно привлекая иностранные монополии. Успехи в войне, клерикально-популистская демагогия и фактическая откупная контрибуция, наложенная на Польшу, позволяют бонапартистскому режиму Мишки Романа идти на социальные уступки рабочему движению. А депортация неугодных инородцев в Ромее, Западном крае и Маньчжурии создает у крестьянства надежду на решение земельного вопроса. Тщетную, обманчивую надежду!

Сохранение подобия классового мира требует новых захватов, новых вооружений, роста промышленности. А с промышленностью вырастает и пролетариат, который невозможно постоянно подкармливать отнятым у жителей новых колоний. Как бы ни душил выступления масс, как бы ни загонял в рамки социалистов кровавый михайловский режим, трудящиеся России знают об успехах своих братьев в Мексике. Именно наш пример дает нашим товарищам силы готовиться к тому моменту, когда буржуазии не сможет больше удерживать своего возмужавшего могильщика. Вот тогда на смену государственно-монополистическому капитализму придет социализм и пролетариат сметет всю эту феодально-освобожденческую сволочь с дороги прогресса!

ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. РОМЕЙСКАЯ ИМПЕРИЯ. КОНСТАНТИНОПОЛЬ. ДВОРЕЦ ЕДИНСТВА. ПОРФИРА. 1 февраля 1921 года

Маша рожала очень тяжело.

Очень.

Бледная. Совсем бледная. Баронесса Улезко-Строганова. Клавдия Петровна.

Клавдия Петровна.

– Государь, вам лучше уйти.

– Я не уйду.

Боже, как Маша кричала...

Но что я мог сделать?

Я не уйду. Ни за что. Тем более после того жуткого сна...

границы с ней и ЮМЖД было массово депортировано китайское население.

⁸ Операция карабинеров Римской империи против захвативших множество заводов на севере Италии и сцепившихся за власть в них между собой коммунистической и синдикалистской фракции итальянских социалистов. В результате более тысячи коммунистов во главе с Пальмиро Тольятти были депортированы в Мексику, а около 500 членов «Фасции революционного действия» Микеле Бьянки в Чиapos и Гватемалу, часть участников столкновений были сосланы в колонии. Это не спасло Рим от прихода к власти в 1921 году коалиционного правительства социал-реформистов Бономи-Турати-Кулешёвой-Ферри.

⁹ Массовые зверства британских войск под командованием Джеймса Холдейна против повстанцев и населения Ирака в ходе Иракско-британской войны 1920 года, апофеозом которых стало «Сожжение Самава» 26 июля 1920 года. В городе были убиты или погибли в огне более 10 тысяч иракцев, в основном старики, женщины и дети.

¹⁰ Истребление и исход населения британского протектората Кувейт в ходе боев между местными племенами, ваххабитами ибн-Сауда, войсками Ирака и Британской империи. В марте 1921 года Британия согласилась уступить права протектора над этой территорией Ромейской империи в рамках «Большого соглашения о турецкой нефти». Территорию пришлось заселять заново.

ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ. ОСТРОВ САХАЛИН. ПРОЛИВ НЕВЕЛЬСКОГО. САХАЛИНСКИЙ УКРЕПРАЙОН. АЛЕКСАНДРОВСК-САХАЛИНСКИЙ. 2 февраля 1921 года

– Слышали новости из столицы?

– Нет, Андрей Владимирович, а что там?

Фон Шварц перекрестился.

– Государыня-матушка благополучно разрешилась бремени.

Голенкин снял папаху и с чувством перекрестился.

– Слава Тебе, Господи! Государю нашему в делах хорошее подспорье. Да и народ будет счастлив сему известию.

Спohватившись, Фёдор Ильич уточнил:

– Так, а родился-то кто?

– Царевна. Марией назвали, в честь матушки.

Голенкин кивнул.

– Хорошее имя. Будет принято народом.

Фон Шварц кивнул, но Фёдор Ильич никак не мог успокоиться.

– Нужно организовать празднование. По всему Сахалину.

Кивок.

– Согласен, хотя это больше прерогатива генерал-губернатора. Мы же давайте займёмся нашими непосредственными делами.

Погода с утра ничем не напоминала вчерашнее снежное светопреставление. Солнце, голубое небо – всё это скорее напоминало сказку, хотя, конечно, выпавший снег никуда не делся, и далеко не везде сейчас можно было проехать. Но даже туда, куда они всё же добрались, было попасть совсем не так просто. Однако их кортеж вездеходов появлялся на острове то там, то сям.

В конце концов, генерал фон Шварц приказал остановиться.

– Что ж, Фёдор Ильич, в целом я удовлетворён всем увиденным. Всё сделано по уму и находится в приемлемом состоянии. Я отмечу вас в своём докладе государю об итогах инспекции.

Голенкин кивнул:

– Благодарю вас.

– А что японцы? Смотрят ведь?

– Конечно, Андрей Владимирович, смотрят, как без этого? Регулярно запускают в небо наблюдательные аэростаты с наблюдателями.

– И что вы думаете на сей счёт?

Голенкин пожал плечами.

– Заботимся о том, чтобы они увидели ровно то, что надо. Все основные перемещения осуществляются в темноте со всей необходимой светомаскировкой. Так что карточки огня, как и саму систему огневых точек они вскрыть не смогут. Конечно, возможна утечка, но это уже забота военной контрразведки. Они, кстати, регулярно кого-то берут под арест, но это уже их кухня.

Кивок.

– А если начнется большая война, выдержим ли мы удар по Сахалину, каково ваше мнение?

Убежденное:

– Выдержим. Да и нет у япошек для столь масштабной операции ни сил, ни опыта. Уверен, даже если на материке и начнется серьезная заваруха, гарнизон Южного Сахалина будет сидеть на попе ровно и не отвечивать. Наверняка перед ними стоит та же задача, что и перед

нами – удержать свою половину Сахалина, не допустив потери стратегических высот. Крупные силы японского флота наверняка будут заняты в районе Владивостока – им будет не до нас.

– Что ж, Фёдор Ильич, я вас услышал. Кстати, готовьтесь сдавать дела своему заместителю. Государь повелел перевести вас в подчинение нашему с вами старому знакомцу – генералу Горбатовскому. Здесь вы блестяще справились, так что теперь вас ждёт Большой Владивосток и его укрепрайоны. Хозяйство большое: от Зарубино на юге и до Находки на севере, а там только по прямой более полутора сотен километров, а ежели по береговой линии считать, так все полтысячи.

Голенкин непонимающе уточнил:

– Так там же фортификационные работы велись еще с Русско-японской, там мощная крепость, а последние годы стройка там идет непрерывно. Какая же передо мной ставится задача?

– Всё просто, Фёдор Ильич. Как выражается государь, концепция изменилась. Речь более не идёт о прикрытии лишь самого Владивостока и острова Русский. У нашего благословенного императора большие планы именно на Большой Владивосток и на гибкое использование незамерзающих портов, вроде того же Зарубино и Находки. Планируется гнать через Большой Владивосток просто-таки огромное количество грузов.

– Куда?

– И куда, и откуда. Но это уже не нашего ума дело, там... – фон Шварц ткнул куда-то в небо, хватает светлых голов, и уверен, они обойдутся в вопросе организации грузоперевозок и без нас. Наша же задача – обеспечить прикрытия и безопасность грузоперевозок через Большой Владивосток. Не хуже, чем в Сингапуре. Как минимум...

Глава 2

Красная заря

ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. РОМЕЙСКАЯ ИМПЕРИЯ. МРАМОРНОЕ МОРЕ. ОСТРОВ ХРИСТА. ИМПЕРАТОРСКАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ. КВАРТИРА ИХ ВЕЛИЧЕСТВ. 15 февраля 1921 года

Кровавое злое солнце поднималось над горизонтом, сверкая огненными сполохами на поверхности моря.

Мы, обнявшись, стояли у окна, глядя на эту фантазмагорию. Точнее я обнимал свою женщину, вдыхая аромат её волос, а она вся отдалась моим объятьям.

– Видимо ветер и мороз усилятся.

Маша кивнула, поёжившись.

– Как думаешь, война всё-таки будет?

Мне очень не хотелось говорить на эту тему, но вопрос задан.

– Будет. Почти неизбежно.

– Неизбежно? Или что-то можно сделать?

Пожимаю плечами.

– Мы на дипломатическом уровне делаем всё возможное. Но сама понимаешь, они не могут не видеть усиленную переброску наших войск и припасов на Дальний Восток. Ускоренное строительство и расширение железных дорог. Аэродромы. Подготовка к расселению миллионов переселенцев в Приморье и в Маньчжурию. Всё это они видят. В связи с этим среди элит в Токио идет усиленное брожение, и один Бог знает, что у них там в голове. Может произойти всё что угодно. Наша разведка, конечно, не дремлет, но...

Нет, войны я не хочу. Решительно. Я её очень-очень не хочу, но насколько могу сильно к ней готовлюсь. Пока мы демонстрируем японцам оборонительный характер наших приготовлений. Укрепрайоны, крепости, форты. Но и развертывания наших наступательных сил мы скрыть никак не можем. Бронетехника, бронепоезда, артиллерия, авиация. Да, преимущество в технике на нашей стороне. Одних дальнебомбардировочных дивизий там целых три, не считая всего остального. При том, что у японцев толком авиации-то и нет. Значит, небо, безусловно, за нами. Но ведь море, конечно, останется за ними, а значит, что подвоз на континент войск и прочего снабжения они смогут осуществлять беспрепятственно, опасаясь лишь нашей авиации, радиус действия которой весьма ограничен. Дух японцев очень высок, а плечо поставок ничтожно. В Токио это прекрасно понимают и могут рискнуть, пока мы не усилились настолько, чтобы... Британцы их поддержат, да и американцы частным образом. А нам придется всё требуемое возить по однопутной дороге Транссиба за многие тысячи километров из Европы. Мне за последний год не раз приходилось общаться с Хирохито. Они действительно полны решимости воевать. Наше усиленное продвижение на Дальний Восток их определённо пугает, они понимают, что с каждым днем наши позиции там усиливаются. Плюс Маньчжурия опять же. А это значит, что там всё громче звучат голоса «сухопутной партии», призывающей, пока не поздно, нанести России решительное поражение и продиктовать нам новые условия мирного договора, жестко ограничив наше присутствие в регионе и наше развитие там. Понятно, что сейчас мы готовы к войне куда больше, чем семнадцать лет назад, но...

Я внутренне грустно усмехнулся. Я уже настолько освоился в этом времени, что фраза «семнадцать лет назад» у меня возникла совершенно автоматически. И не имеет значения, что в реальности я здесь всего лишь четыре года.

Словно прочитав мои мысли, императрица возразила:

– Но ведь преимущество сил на нашей стороне. Чего ты опасешься и почему так напряжён?

Тру бровь.

– Да, в целом, на первый взгляд, преимущество на нашей стороне. Но война там мне в ближайшие несколько лет не нужна. Совершенно не нужна. Ближайшие два года будут очень трудными для нас. Засуха приведёт, да и уже приводит, к общественному напряжению в Центральной России, Малороссии, Поволжье и на территориях Южного Приуралья. Впереди проблемы с урожаем и всё с этим связанное. А если ещё и война? Ладно, если быстрая и победоносная, но на быструю войну с Японией я рассчитывать не могу. Да и вообще, война, в период потрясений внутри страны, мне совершенно не нужна. Может полыхнуть так, что мало не покажется.

Маша помолчала, глядя на восходящее красное солнце.

– Ты видишь признаки волнений и возможной революции?

Хмуро поглаживаю усы.

– Волнения, радость моя, возможны всегда и по любому поводу. В моём будущем всякие майданы случались по поводам совершенно ничтожным и пустяковым. Были бы деньги у организаторов. И отсутствие твердой воли и решимости у власти.

Императрица кивнула.

– Да, я помню, ты рассказывал. Но твоя же власть сейчас практически абсолютна. Революционные и прочие антигосударственные структуры ты извёл или взял под контроль. Вряд ли эти марионеточные клоуны из Госдумы пойдут против твоей воли. Ты популярен в народе и, что важно, в армии. Чего ты опасешься?

Морщусь.

– Я не так чтобы опасуюсь, но это лишняя помеха. Безусловно, мои спецслужбы отслеживают ситуацию и либо берут под контроль организаторов, либо отправляют их отдыхать на «тринадцатые хлеба». Но полыхнуть может и стихийно. Новые Разины и Пугачёвы мне будут сейчас очень некстати. Война на двух фронтах, на внешнем и на внутреннем, чревата самыми неприятными последствиями для государства. И внутри власть покажется неустойчивой, да и внешним игрокам это будет сигнал активизировать подрывную деятельность. Неслучайно в России всякого рода революции и прочие мятежи происходили именно в период неустойчивости центральной власти. Стрелецкий бунт, выступление декабристов, так называемая «Первая русская революция» возникли не вдруг. Россия только-только начала набирать силу в противостоянии с Японией, а тут – бац! – революция. Про февральские и октябрьские революции я уж молчу. Да, две последние мне удалось местами предотвратить, а местами купировать. Да, я как-то с грехом пополам вывернулся из кризиса земельного передела, но... Половина европейской части Империи сейчас столкнется с засухой. Наши меры облегчат ситуацию, и я надеюсь, голода в полной мере не случится, однако общество будет в большом напряжении. Наша Империя на три четверти состоит из крестьян. Окраины Империи неустойчивы. Туркестан. Ромея. Финляндия. Галиция та же, будь она неладна, зараза. А тут война еще. Так что, да, я несколько напряжен.

– Но твой ведь граф Суворин держит общественное мнение под контролем?

Пожимаю плечами.

– В городах, особенно столицах, да. То есть основные точки возникновения возможных революций мы контролируем. Но беда в том, что деревня газет не читает, несмотря на все старания Суворина. Все наши пропагандистские потуги уходят на самокрутки. Да, наши рассказы о «Ромее Обетованной», «Волшебном Туркестане», «Золотой Сибири» и прочем Дальнем Востоке находят своего потребителя. Да и в крупных промышленных центрах требуется всё больше рабочих рук, но крестьяне крайне консервативны, а слом привычного уклада в деревне самым решительным образом пошатнул их устои.

Маша хмыкнула.

– Ты же сам всегда мне говорил, что революции случаются в столицах, а деревня может дать только бунт, который можно подавить войсками.

Грустно киваю.

– Да, в теории это так. Но война почти всегда становится катализатором какого-то напряжения в обществе. Сначала да, патриотический подъем, но затем наступает усталость. Очень сомневаюсь, что война с Японией станет легкой и быстрой прогулкой. А тут ещё и засуха, грядущие продовольственные карточки, пылающее солнце и прочие прелести. Если уж в провинции полыхнет, то мало не покажется. Ты сама знаешь, какое напряжение в деревне после земельного передела, ведь довольны далеко не все. Мягко говоря. Да, Фронтовое Братство вроде бы держит ситуацию на местах под контролем, но засуха обострит все противоречия. Конечно, мы, так или иначе, подавим любое выступление, но...

Господи Боже, за что мне это всё? Тяжелейший семнадцатый год. Восемнадцатый, когда я чуть не подох с этой пандемией. Деятнадцатый. Двадцатый. Двадцать первый. Годы войн и катастроф, смут и непростых реформ, революционных настроений и управления сознанием масс. И не только в России, но и в Европе, и в мире в целом. Электростанции, заводы, дороги, паровозы и вагоны, боевые корабли и пароходы, самолёты и танки. Тысячи и тысячи тракторов. Постоянные переговоры с сильными мира сего. Мог ли я в своём 2015 году мечтать о таком? Однозначно нет. И не хотел бы. Не то что «мечтать», но я бы отдал всё, что у меня там было, чтобы не попадать сюда.

Только вот забрал бы с собой в будущее Машу и всех моих детей.

Но кто ж мне даст.

ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. РОМЕЙСКАЯ ИМПЕРИЯ. МРАМОРНОЕ МОРЕ. ОСТРОВ ХРИСТА. ИМПЕРАТОРСКАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ. КАБИНЕТ ЕГО ВСЕВЕЛИЧИЯ. 15 февраля 1921 года

Война войной, а обед по расписанию.

Именно так. Именно логистика определяет победителя. Если у тебя более многочисленная армия, если у тебя намного больше танков, пушек и самолётов, то ты, безусловно, крут. Но если они останутся без горючего, боеприпасов, запчастей, без питания для личного состава, то много твоя армия не навоюет. Катастрофа лета 1941 года в СССР тому яркий пример. Что толку от того, что у тебя танков больше, чем у всех стран мира, вместе взятых, если у твоих войск нет горючего и боеприпасов? Тысячи, если не десятки тысяч советских танков были брошены своими экипажами на дорогах войны именно потому, что обвалилась логистика, исчезло всяческое снабжение войск, а танк – это не пехотинец, который может идти даже голодным. Тут призывы к «морально-волевым» и напоминания о присяге ничем не помогут. Танкисты солера не родят, а значит, танк никуда не двинется. Я уж не говорю о боеприпасах.

Таким же примером логистической катастрофы служит Русско-японская война 1904–1905 годов, когда Россия, имевшая намного более сильную и многочисленную русскую Императорскую армию, проиграла войну более слабой в этом отношении Японии. Несмотря на весь героизм нашего солдата. Армия-то большая, но она в европейской части Империи, а на Дальний Восток ведет лишь одна железнодорожная линия, большей частью однопутная. Что требовало делать частые остановки и пропускать на станциях встречные эшелоны. И пусть наш Генштаб и сумел удивить японцев, отправляя составы только в одну сторону и не возвращая поезда назад, что позволило вдруг нарастить пропускную способность дороги в два раза, но, во-первых, так долго продолжаться не могло, ведь прибывшие на Дальний Восток паровозы и вагоны нужно было куда-то девать, а, во-вторых, даже этой удвоенной пропускной способности железных дорог всё равно не хватило, поскольку у японцев транспортное «плечо» было несравнимо, просто невообразимо короче. Они полностью владели морем и могли через порты снабжать свою армию всем, чем только потребуется.

И я не мог не задумываться над этим.

Маршал Тривульцио сказал четыреста лет назад, что для войны нужны три вещи: деньги, деньги и еще раз деньги. Это так. Но не совсем. Деньгами на фронте можно разве что печку топить, ведь деньгами в чистом виде не постреляешь, деньгами солдат не накормишь, и баки танков деньгами не заправишь. А всё, что нужно для ведения боевых действий, следует ещё произвести на заводах, вырастить в полях и на место этих самых боевых действий доставить. Вовремя и в достаточном количестве. Уж я, как человек, прошедший Русско-японскую и Великую войны здесь и Вторую чеченскую там, знаю это не понаслышке.

Я разбираю доклады. Доклады и отчеты. Мы готовились.

Придет весна, и все увидят, кто и где, извините за выражение...

Деньги – мусор. Просто мусор.

Ничтожные бумажки.

Их совершенно не жаль.

Но там, где русский флаг был поднят, он спускаться не может. А где был сброшен неприятелем, он будет поднят вновь. Так было, так есть и так будет всегда.

ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ. ТОМСКАЯ ГУБЕРНИЯ. НОВЫЙ ЦАРЬГРАД. УЧЕБНЫЙ ЦЕНТР СИЛ СПЕЦИАЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ. 15 февраля 1921 года

Граф Слащев смотрел на «художества» выпускников. Нет, ничего критического (особо) сказать было нельзя. Бойцы знали свою работу и своё дело. Особый интерес у графа вызывали «птенцы гнезда Емцова» – направленные Экспедиции службы егермейстера двора, откуда в Имперскую службу специальных операций отправляли опытных охотников, которых уж тут переучивали на снайперов. Прямо скажем, охотники были лучшими из лучших, такими, для которых «белку в глаз» вообще не было проблемой. А уж в учебном центре ССО их учили на совесть. Хотя и приходилось преодолевать обычный скепсис охотников к всякого рода дисциплине и прочим уставным строгостям. Они де люди вольные. Но ССО повидало и перемололо и не таких.

Всяко было.

Но, если говорить начистоту, то ЭСЭД знала своё дело. По всей Империи собирали охотников, особенно из числа молодых. Для многих из них, конечно, зачисление в Армию Единства было довольно большим удивлением, ведь официально ЭСЭД вербовала именно охотников, для ловли диких зверей для зоопарков Империи и для прочих нужд, однако от предложенных договоров с Армией отказывались немногие. Уж очень было хорошим жалование и прочее довольствие, а к снайперам, не считая умения точно стрелять, требования были вполне умеренными. Да и *служение* Империи нынче в чести. Почему бы и не послужить?

Чай не на фронт. Война-то закончилась.

Ну, как бы да.

Как бы.

ТЕКСТ ВИТАЛИЯ СЕРГЕЕВА

Вашингтон, округ Колумбия, САСШ, 15 февраля 1921 года

Калвину Кулиджу, 29-му вице-президенту Соединенных Штатов Америки

Дорогой Калвин!

Позволь ещё раз выразить мои искренние соболезнования по поводу избрания тебя на пост вице-президента Соединённых Штатов. После утверждения 6 февраля Конгрессом итогов голосования коллегии выборщиков

осталось совсем не много до дня, когда ты примешь у меня нелёгкую ношу этого поста. Дай Бог, срок твой будет столь же беззаботен, как и первые мои семь лет в этой должности, и тебе не придется принимать на себя всю тяжесть и неопределённость выпавшего мне бремени.

Сегодня, в день 101-летия Сьюзен Энтони, я открыл у здания Конгресса памятник ей и её соратницам Лукреции Мот и Элизабет Кэди Стэнтон. Эти три валькирии сделали не меньше чем русский император Михаил и императрица Мария для того, чтобы наши времена изменились. Знаю, что ты горячо поддержал их дело в части женских избирательных прав. И я, насколько успел, способствовал ему. Но ушедший год показал, что если уж они теперь с нами равны, то занимать государственный пост могут не иначе, как занимаем его мы. Только воля американских избирателей решает, кто и в каком порядке правит Америкой, и никакие записи в книгах рождений или заключения браков полномочий правительства не порождают. Когда сменишь меня, позаботься о том, чтобы установленный сегодня монумент оставался у входа в Сенат, как постоянное напоминание об этом.

Сегодня я окончательно перенес свои вещи в Белый дом и не имею возражений, чтобы ты переезжал в кабинет председателя Сената и осваивался. Обживайся там основательно, сенатское место для нас постоянно, а место рядом с президентом может быть кратковременно.

Твой предшественник, Томас Райли Маршалл¹¹.

* * *

ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ. ТОМСКАЯ ГУБЕРНИЯ. НОВЫЙ ЦАРЬГРАД. УЧЕБНЫЙ ЦЕНТР СИЛ СПЕЦИАЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ. 15 февраля 1921 года

Учебный центр сил специальных операций. На отшибе того «отшиба», коим сейчас всё ещё был и сам Новый Царьград. Бог знает где, у самого чёрта на куличках. Но сотни и сотни снайперов проходили именно здесь подготовку. Впрочем, многим из них к здешнему климату не привыкать. Сибиряки и дальневосточники. Те, кто из центра России, всё больше готовились для европейской или южной войны. Империя велика. Везде снайперы нужны.

Элита.

Это вам не холёные части лейб-гвардии. Один такой боец целой сотни стоит.

Без парадной показухи. Дождётся своего мгновения и всё.

Да, часто выглядят они не так чтобы очень, но...

ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. РОМЕЙСКАЯ ИМПЕРИЯ. КОНСТАНТИНОПОЛЬ. ДВОРЕЦ ЕДИНСТВА. 15 февраля 1921 года

Граф Суворин склонил голову.

– Через минуту мы начинаем эфир, государь.

Да, минута. Всего одна минута. Как воспримут мою речь мои подданные? Ведь после того, как сбылись мои предсказания относительно грядущей пандемии «американки», слушать меня будут более внимательно и доверие к моим словам будет куда большим. Да и, грубо

---

¹¹ Томас Маршалл в соответствии с действующей тогда редакцией Конституции САСШ 1787 года (ст. II, раздел 1) исполнял обязанности президента САСШ в последние месяцы президентских полномочий Вудро Вильсона, но должность у него оставалась прежняя: (28-й) вице-президент САСШ.

говоря, я сейчас весьма «в авторитете» у народа, тут Маша, конечно, права на все сто процентов.

Но не породит ли это панику? Опять массово пойдут все эти идиотские слухи и шепотки о том, что мы с Машей (или кто-то из нас) – посланники преисподней, опять начнут голосить, что грядет конец света и что Великая Засуха – это первый предвестник Апокалипсиса, ведь сказано в Писании...

Ибо сказано в «Откровениях Иоанна Богослова», что грядут четыре всадника Апокалипсиса. Всадник на белом коне олицетворяет Чуму, на рыжем воплощает собой Войну, на черном коне – Голод, а на коне бледном – Смерть.

Грядёт Страшный суд.

Что из этого ещё не сбылось с точки зрения верящих в это всё?

Чума в виде пандемии «американки» была. Голод грядет. А если ещё и Война, то... Опять же мы с Машей в виде «Антихриста» и «Вавилонской блудницы» вот уже пять лет беспокоим воспалённые, больные на голову умы. Юродивых у нас всегда хватало. А Россия – страна всё еще аграрная, крестьянство наше тёмное и суеверное. И если даже война на Дальнем Востоке их напрямую не коснётся, то вот засуха и перспектива голода затронет десятки миллионов крестьян. И, прости Господи, чёрт его знает, как оно может повернуться.

Кивок министра информации. Загорелось табло «Эфир». Вот и всё.

– Верные мои подданные. Четыре года мы готовились исполнить Пророчество, которое явила мне Пресвятая Богородица Пречистая Дева Мария. В прошлый раз, в 1918 году, я рассказал вам не всё. Я не хотел смущения в умах, не хотел паники, безудержного роста цен на всё. Не хотел возможной Гражданской войны. Поэтому, тогда, прошлый раз я рассказал лишь о предстоящей страшной пандемии «американки», которая охватит весь мир. Тогда, три года назад, многие не поверили моим словам. Более того, европейская и американская пресса позволяли себе ехидные комментарии на сей счет. Где теперь эти писаки? Малoverы были посрамлены. Но человечество заплатило за это неверие высокую цену. По разным данным погибло от тридцати до семидесяти миллионов человек по всему миру. Россия же, с нашей слабой медициной и всяческими суевериями, должна была заплатить еще более страшную цену. Но Пресвятая Богородица смилостивилась и явила миру, явила нашему богоспасаемому народу свое Пророчество, предупредив нас об этом Испытании. Мы, наша Империя, сделали всё, что могли на тот момент. И даже больше. Да, в России и Ромее немало людей погибло от пандемии, но миллионы моих верных подданных, которые должны были умереть, выжили. Ещё миллионы должны были погибнуть от вспыхнувших затем эпидемий чумы, брюшного и сыпного тифа, холеры. Эти эпидемии, благодаря нашему Министерству спасения, нашей медицине, нашим врачам, фельдшерам, сёстрам и братьям милосердия, удалось предотвратить, за что им земной поклон от всей нашей благословенной Империи.

Я сделал паузу и отпил воды из стакана.

– Верные и любимые мои подданные! С тяжелым сердцем обращаюсь я к вам сегодня. Наступил тот день, приход которого я оттягивал всеми возможными способами и к которому мы все, вся Империя наша, готовились, даже не зная этого. Грядёт новое испытание, которое коснётся многих из нас. Когда-то, как сказано в Ветхом Завете, пророку Моисею было явлено, что предстоят три тучных года, а за ними последуют три худых года. Тогда государство сумело подготовиться и страна избежала массового голода. Мы тоже три года готовились к этому дню, делая все необходимые запасы, регулируя снабжение, устанавливая законы и правила, которые не всем нравились, но выбора у Империи другого не было.

В горле пересохло, но пауза была не нужна, я не мог позволить себе закашляться в этот момент.

– Многие заметили, что в предыдущем году осенью было мало дождей, а этой зимой выпало мало снега. Весной будет еще хуже, а летом во многих губерниях наступит жестокая

засуха. В части мест погибнет весь урожай и если бы не любовь Пресвятой Богородицы к народу нашему, то начался бы страшный голод. За кусок хлеба брат пошел бы на брата, сын на отца, и всё Отечество наше погрузилось бы во тьму и кровь. Не случайно на наших знамёнах появилась Звезда Богородицы. Пресвятая Дева вела нас к победам, Она спасала нас прежде, и верю, что мы и впредь будем достойны Её заступничества. Мы готовились три года. Созданы более чем достаточные запасы продовольствия. Они распределены по всем губерниям. Когда наступят трудные дни, каждый из нуждающихся будет получать установленную норму продуктов на каждого члена семьи. С этого момента цены на хлеб, молоко и основные товары устанавливаются правительством. Все аграрные кредиты замораживаются с отсрочкой платежа на два года. Все долгосрочные казенные договоры с аграриями на поставку своей продукции осенью переносятся на следующий год. Правительство и Министерство спасения объявит сегодня перечень губерний, в которых риск потери урожая наиболее велик. Империя не допустит голода. Мы не допустим хаоса и паники. Империя позаботится о каждом. Верьте мне. Верьте мудрости нашей власти. Верьте в Господа Бога нашего, молитесь Ему и Пресвятой Богородице. Мы справимся с этим Испытанием. Справимся все вместе. Я верю.

*ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ. МОСКВА.
16 февраля 1921 года*

За окном лимузина мелькала суета Новой Москвы. Строительство нового города продолжалось, хотя некоторые основные высотки уже господствовали над московскими холмами, возносясь ввысь над изгибом реки, гордо взирая на виднеющийся за Лужниками Старый город.

Да, Москва строилась. И если в Старом городе, исполняя Высочайшее повелени, дома и улицы в историческом центре старались просто отремонтировать и облагородить, то здесь, на Воробьевых горах, стройка шла самым натуральным образом во всех смыслах этого слова. Шутка ли, на пустом месте возвести целый город!

Впрочем, тайный коммерции-советник, купец первой гильдии господин Борис Филиппов без особого интереса глядел на проплывающий за окном новострой. Он часто ездил здесь, курсируя между своим особняком в Старом городе и своей конторой в Новой Москве. Конечно, такие поездки были неудобны и отнимали много времени, но за всяким делом присмотр нужен, а в лимузине было много всего всякого, что могло ему понадобиться и дома, и в конторе. Не на аэротрамвае же это всё возить в самом-то деле!

Шуховская башня проплыла мимо авто. Филиппов лишь вздохнул, вспоминая события осени 1918 года, когда на башне этой случилось обрушение и на ней застряли десятки людей из числа монтажников, самого господина Шухова, баронессы Мостовской, теперь уже официальной матери старшего внебрачного сына императора Михаила, и, главное, для него самого, разумеется, главное – там застряла его жена Любушка Галанчикова-Филиппова. Господи Боже, какие страшные часы провел Борис Андреевич, стоя день и ночь у подножия башни, в полной безнадежности вглядываясь в туман облаков! И страшно подумать, что пережила Люба там, в небе. Впрочем, нет не в небе, небом профессиональную военную лётчицу подполковника Любовь Галанчикову не удивишь, а именно на разрушенной конструкции башни, когда нет ни воды, ни еды, когда вокруг лишь ветер и мороз, лишь бесконечная мгла.

Всё тогда закончилось хорошо. Государь Высочайше дозволил отчаявшемуся Филиппову принять личное участие в спасательной операции на дирижабле. Все были спасены, а Любушку Борис Андреевич лично снял с этой проклятой башни. Теперь дорогая подарила ему наследника, и один из богатейших людей России был вполне счастлив. Но башня эта проклятая всё время напоминала ему о мрачных событиях тех дней. Так что он позаботился о том, чтобы из окон его конторы в Новой Москве Шуховская башня была не видна.

От неизбежной тряски движения с роскошного дивана сползла на пол лимузина газета. Филиппов поднял и вновь пробежал глазами передовицу. Речь государя о предстоящем Испытании и о Пророчестве Богородицы.

Что ж, а ведь Михаил Второй действительно что-то такое знает. Слишком уверенно он себя ведёт и часто совершенно нелогично поступает. И, как правило, потом оказывается, что поступил он мудро, не послушав советников с разных сторон, а поступив по-своему.

Сколько смешков (правда очень и очень тихих) звучало в высшем обществе и купеческой среде по поводу его «пророчеств Богородицы» тогда, в том далеком уже сейчас восемнадцатом году. Даже пошёл упорный слух среди купечества, что император тронулся умом и всей их честной компании вновь следует готовиться к тому, что произойдет вот-вот дворцовый переворот и нужно заранее быть готовыми к играм с ценами и наличием товаров на полках. Но переворота, вопреки ожиданиям затаивших злобу злопыхателей, не произошло, а вот пандемия «американки» как раз и произошла, и те, кто вовремя сообразил, что к чему, сумел нажать хорошие барыши на этом деле. Да и сам господин Филиппов тоже не прогадал. В том числе и послушав свою Любушку, которая многократно лично общалась с Михаилом Вторым и считала его, без сомнения, гением.

Вот и теперь новое пророчество. Засуха и голод. И кому, как не «зерновому королю России» что-то понимать в перспективах этого дела? Теперь понятно, почему, вопреки обычной довоенной практике, государь препятствовал вывозу зерна из России!

Нет, поначалу поводом было то, что послевоенной стране нужно прийти в себя и что голод смертельно опасен для стабильности государства и всей торговли. Потом поводом стала земельная реформа, при которой также возможен голод и волнения. В общем, государственная монополия на вывоз зерна, введенная еще весной 1917 года, так и не была отменена.

Нет, конечно, само правительство этим не занималось. Император старался не множить чиновников без меры. Но, во-первых, были введены квоты на экспорт. Во-вторых, вводились пошлины на экспорт переработанной продукции. В-третьих, сама эта не переработанная продукция при экспорте облагалась пошлинами, а вот мука, к примеру, нет. Но продавалась-то мука дороже простого зерна, и в её производстве участвовали дополнительные рабочие руки, так что этот аргумент господин Филиппов прекрасно понимал. Те же его кожанные «лётные» куртки продавались на ура, а стоили куда дороже простой кожи.

Это всё было понятно. И не только ему самому, ибо дураков среди миллионеров как-то нет. Волновало другое. Вопреки обещаниям, сказанным тогда в Екатерининском зале Дома Империи в Кремле, государь и его правительство широко раскрыли двери России иностранному капиталу. Да, деньги в Россию и Ромею потекли рекой, американцы, итальянцы и немцы спешили вкладывать средства, строя заводы и приобретая концессии, а те же французы просто массово переселялись из разоренной войной и революцией бедной Франции в Россию, где тут же (или не тут же) принимали российское подданство и уже на правах русских открывали своё дело в Империи безо всяких ограничений. Тот же господин Рено тому ярчайший пример, богатеет прямо на глазах! И пусть Рено не конкурент основным русским финансовым и промышленным игрокам, но ход событий вызывал серьезные опасения.

Самого же Филиппова и его коллег по аграрной торговле волновали квоты и пошлины на экспорт зерна, подсолнечника и прочего, при том всё, что в Италии и на Балканах шла широкая закупка зерна и прочего продовольствия для обеспечения нужд Ромеи. Это вызывало ропот недовольства, но император был непреклонен.

Так и сказал: «Я не только не против того, чтобы русские зарабатывали на внешней торговле, но и готов это всячески поддерживать. Но, во-первых, в Империи ещё не накоплен необходимый запас зерна для того, чтобы пережить без голода любую засуху, во-вторых, экспорт продукции переработки ничем не ограничен. Стройте мельницы, маслозаводы, стройте всё прочее и продавайте за границу продукт, а не сырьё».

Отдельно императору задавали обеспокоенные вопросы относительно сообщения о том, что Россия заключила соглашение с США на закупку почти половины урожая их фермеров. Звучали опасения о том, что выброс на российский рынок такого количества американского зерна просто обрушит цены настолько, что проще будет зерно сжечь, чем куда-то возить. Но и тут государь остался твёрд в своём решении: «Вы сами хотите свободы экспорта зерна. Чем быстрее мы пополним „Закрома Родины“, тем быстрее вы такое право получите. Гарантирую, что американское зерно на свободный рынок не попадёт. Именно в виде зерна не попадёт. Вы же можете закупать его у „Закромов Родины“ по приемлемым ценам для переработки в муку и прочий хлеб».

Спорить с императором трудно (если вообще возможно), тем более что осень действительно была скупой на влагу, да так, что среди аграриев и купцов пошли рассуждения о скромных видах на будущий урожай. Потом пришла малоснежная зима, и разговоры усилились. В общем, почтенное общество решило обождать и посмотреть, заранее готовясь. На всякий случай. И вот теперь эта газета и речь императора.

Сейчас-то всё и завертится.

Глава 3

Этюды на фоне надвигающейся грозы

ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ. БОЛЬШОЙ ВЛАДИВОСТОК. 30 апреля 1921 года

– Вот ты, товарищ поручик, и прошел марш-бросок. Точнее – пролетел.

Вокруг засмеялись, а Иван Никитин с трудом попытался сесть на носилках. В голове шумело, в глазах всё кружилось. Да, некрасиво вышло. Совсем некрасиво. Прибыл к десантуре писать репортаж о службе. Поймали «на слабо». Понятно, что он даже не «паркетный офицер», а вообще «пиджак», которому в силу служебной необходимости присвоен чин поручика, а вокруг него вышколенные спецы-десантники, но ведь государыня выдержала всё, пробежала всю дистанцию и даже...

– Может его с самолёта сбросить с парашютом?

Ироничная ухмылка:

– А парашют-то ему зачем? Зря переводить только.

Новый голос:

– Да и самолёт...

Третий, уже более властный:

– Так, хорош, мужики. Вон уже медики наши бегут.

Прибежавшие вновь уложили его на носилки, расстегнули броник, сняли разгрузку, отложили в сторону автомат, а он лишь без сил смотрел в голубое небо, где с пролетающего самолёта выскакивали черные фигурки, которые вскоре обретали над головой белые купола парашютов. Вот и императрица Мария так прыгала. Он сам видел это своими глазами. И государь прыгал. А сам Иван не смог даже дистанцию пробежать при полной выкладке. А она смогла...

ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. РОМЕЙСКАЯ ИМПЕРИЯ. КОНСТАНТИНОПОЛЬ. ДВОРЕЦ ЕДИНСТВА. КАБИНЕТ ЕГО ВСЕВЕЛИЧИЯ. 30 апреля 1921 года

Устало тру переносицу. Какой кошмарный день. Вымотался, как не знаю кто. Совещания, аудиенции, доклады. Неизбежный протокол – бумагу туда, салфетку сюда, поклоны и книксены. Высочайше повелевать соизволил...

Завтра у меня, точнее у нас с Машей, ещё более насыщенный и куда более тяжелый день. Во-первых, завтра светлый праздник Пасхи Христовой, а значит, нас ждут церковные службы и Большие императорские выходы. Во-вторых, завтра Первомай – праздник Служения Империи. Парады и демонстрации. В-третьих, завтра открытие Всемирной выставки в Константинополе. Помимо пафосных торжеств и прочего щёконадувательства предстоит масса протокольных мероприятий, ведь съезжаются лидеры чуть ли не со всего мира. Каждого нужно встретить, уважить, а потом со многими из них нужно тет-а-тет переговорить. А с некоторыми и не один раз. Америка, Британия, Франция, Китай с Японией. Даже Афганистан требует внимания. Да, что там Афганистан, ведь даже мои любимые августейшие племянницы в Сербии и Румынии требуют срочной встречи.

Но всё это уже завтра. Завтра. А сегодня еще куча дел. Впереди засуха, и, невзирая на всю нашу подготовку, мы, как оказалось, ни фи́га не готовы.

ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. РОМЕЙСКАЯ ИМПЕРИЯ. КОНСТАНТИНОПОЛЬ. ДВОРЕЦ ЕДИНСТВА. КВАРТИРА ИХ ВЕЛИЧЕСТВ. 30 апреля 1921 года

Ключ привычно повернулся в замочной скважине. Смешно. Хозяин гигантской Империи запирает свою квартиру на замок. А сейчас отпирает. Словно и не стоит у дверей пост охраны из отборнейших молодцов лейб-гвардии, а дворец не под усиленной охраной. Но нет,

это наш с Машей даже не каприз, а символ. Да, своего рода символ, символ отделения парадного пафоса монаршей жизни от жизни сугубо частной, глубоко личной, куда доступа нет никому. Поэтому я всегда с особым ощущением проворачиваю ключ в замке, с особым чувством ощущаю его в своем кармане. Это двери в мой настоящий мир, в мир, где мне не нужно играть и изображать. В мир, где моя любимая женщина знает всё обо мне, где она перестает быть императрицей Империи, простите за тавтологию, а всячески старается быть девушкой из третьего тысячелетия, и, откровенно признаюсь, у неё это хорошо получается. Много лучше, чем у многих моих современниц из того далекого теперь от меня будущего. Что ж, раз в моё грядущее, судя по всему, нам с Машей попасть не суждено, мы пробуем так же устроить жизнь здесь. Всю Империю быстро вытащить в будущее нам не удастся, но, как минимум, в нашей личной квартире мы можем что-то придумать.

Шумела вода, и из ванной слышен был голос Маши. Она напевала одну из песен, которую я пел ей как-то под гитару. Песню из моего далекого грядущего. Песню из детского фантастического фильма о «Большом космическом путешествии». Маша очень похожа на ту девочку из фильма. Такая же уверенная в себе, такая же безбашенная.

– Зовёт, зовёт в дорогу далекий Млечный Путь...

Господи Боже, разве мог бы кто-то из авторов предполагать, что песню будет петь сама русская императрица за век до её написания? Но разве это отменяет саму глубокую суть песни?

Шум водяных потоков не мог заглушить звонкий голос, вдохновенно поющий:

– Как будто по ступенькам, всё выше и вперёд...

Я невольно сглотнул, пытаюсь преодолеть спазм в горле. Господи, спасибо Тебе. Мало кому из монархов везёт с женой. Такова собачья монаршая доля. Всё во имя государства. Та же моя мамá должна была выйти замуж за старшего брата моего папá. Но тот некстати умер, а политическая сделка уже была заключена – в итоге Дагмара Датская вышла замуж за будущего Александра Третьего. Хорошо хоть они слюбились, и их жизнь не превратилась в ад. Повезло ли в этом плане Николаю? Не знаю. Я не был уверен в том, что брат Коля действительно любит Аликс, но в том, что она испортила ему жизнь, а заодно и всей России, я был уверен. А вот мне повезло. И России заодно. Бывают в жизни и такие чудеса.

Порывисто избавившись от остатков одежды, открываю дверь душевой кабины. Маша стоит спиной и, понятное дело, не сомневается в том, кто посмел войти.

– Ты сегодня рано.

Целую её в шею.

– Как же я обожаю разгорячённых мокрых женщин...

Ироничное:

– И много их было у тебя в таком виде?

Но я не ведушь провокацию.

– У меня есть только ты. Только ты.

Я не вижу её лица, но чувствую улыбку.

– Тогда потри мне спинку, раз уж пришёл.

Хмыкаю.

– Где всегда или вообще?

Смешок.

– Где всегда – обязательно, а там уж как захочешь.

Поцелуй.

– Я захочу, не сомневайся.

Тру мочалкой её спинку на уровне лопаток. Вечная женская проблема – бюстгальтер. Даже у императриц остается пот и грязь после него, а вымыть самостоятельно это место всё же не так просто, несмотря на все мочалки и ухищрения. Тут нужен мужчина, который с любовью

и нежностью поухаживает за кожей любимой. Целую её между лопаток. Руки сами скользят вниз...

ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ. АРХАНГЕЛЬСКАЯ ГУБЕРНИЯ. 30 апреля 1921 года

Александр Петрович, щурясь, смотрел на прибывшую технику. Куча всего – и иностранные машины и русского производства. Скоро тут начнется кипучая деятельность, шутка ли – месторождение алмазов! Лично государь повелел назвать его именем Ломоносова!

Поисковые партии с самого начала не знали никакого отказа ни в чём. Причём их направили в конкретный район и сказали: «ищите». А уж после того, как нашли...

Нет, не зря говорят, что государю покровительствует сама Богородица. И хотя сам Александр Петрович Кузнецов считал себя убежденным атеистом, но что-то такое тут, нужно признать, было...

ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ. БОЛЬШОЙ ВЛАДИВОСТОК. 30 апреля 1921 года

Подготовка к обороне Большого Владивостока шла своим чередом. Шла, как это обычно и бывает, чёрт-те как. Несмотря на подготовку и жесткие правила, война – это всегда бардак и недоразумение. Хоть стреляй виновных, хоть не стреляй. В первом случае бардака будет меньше, но суть от этого не изменится. И если по поводу Сахалина генерал Голенкин был спокоен (насколько это вообще возможно на войне), то вот по поводу Большого Владивостока имелись самые серьезные вопросы. Нет, понятно, что в первую Русско-японскую (а уже мало кто сомневался в том, что это война была лишь первой) япошки не решились на штурм Владика, ограничившись лишь позиционными боями, но ведь сейчас на дворе 1921 год, а японцев уже много лет усиливают, чем только могут. Одних боевых кораблей те же британцы сколько передали союзникам. А сколько английских советников в японской армии и на флоте! Поставки оружия шли непрерывно, британцы избавлялись от излишков, оставшихся после Великой войны, а самураи с радостью всё это принимали. А уж сколько сухопутного вооружения поступает туда из США! Да, после сяолинского инцидента с поездом официальный Вашингтон резко охладел к официальному Токио, но «свобода частного предпринимательства» позволяла Америке поставлять Японии все необходимое для сухопутной войны.

Да, государь повелел быть готовыми к войне уже к апрелю. Но в случае с Большим Владивостоком это было совершенно нереально. Однако, крутись, как хочешь, генерал Голенкин. Это не прихоть начальства. В воздухе явно пахло войной.

Глава 4

Августейшая тусовка

ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. РОМЕЙСКАЯ ИМПЕРИЯ. ИМПЕРАТОРСКАЯ ЯХТА «КОРОНА». 2 мая 1921 года

...Моих губ коснулись сладкие губы любимой женщины. Маша никогда не комплексовала, и плевать она хотела на общественные приличия.

– Спишь?

Открываю глаза.

– Нет, просто вспомнился давешний танковый парад в Марике.

Её глаза погрузнели.

– Понимаю. Но у нас же гости, просыпайся.

Киваю.

– Да, прости. Вечно тебе приходится за меня отдуваться...

Улыбка.

– Я за тебя всё... Ну, ты понял.

– Да. Я тебя люблю.

– И я тебя. Очень.

Маша упорхнула в «женский клуб». А у нас на яхте сейчас, конечно, аншлаг. Императрица Мария, императрица Елена Савойская, королева-мать Румынии Ольга Николаевна, королева Сербии Татьяна Николаевна, королева-мать Франции Изабелла, королева Афганистана Сорайя Тарзи, королева-мать Эллинов Ольга Константиновна, королева Болгарии Мафальда Савойская. Добавим к этому ту же итальянскую принцессу Джованну Савойскую и прочих высокородных барышень, и мы получим цветник на борту императорской яхты. Очень августейший цветник. И многие молодые барышни фактически прибыли на смотрины, в надежде обзавестись перспективными знакомствами, ведь очень перспективных мужчин на борту было множество. Понятно, что при планировании брака, как и в нашем с Машей случае, определяющую роль играет политика и геополитические расклады, но личная симпатия была не лишней в таких матримониальных переговорах.

Хотя и не определяющей.

Понятное дело, что этим перечнем августейших особ «цветник» не ограничивался. Отдельными группами тусовались дамы и барышни титулами попроще. Стояли у борта и общались княгиня Емец-Арвадская, светлейшая княгиня Волконская, в девичестве графиня Бобринская, баронесса Галанчикова-Филиппова и, конечно, маркиза ди Берголо баронесса Мостовская – мать моего старшего сына Михаила. Что они обсуждают? Бог весть. Все четыре являлись героинями Великой войны. Могут обсуждать минувшие воздушные битвы, разгром немецкого флота при Моонзунде, бомбардировку Вены или, к примеру, сражения за Проливы. Или ставший легендарным рейд дирижабля «Гигант» со спецназом в Софию, где сильно отличилась княгиня Емец-Арвадская, которую звали тогда просто Натальей Иволгиной, и была она простым поручиком сил специальных операций Российской Империи. Да, тот рейд стал переломным в Великой войне, ведь в результате Болгария перешла на сторону Антанты, что позволило шести русским и болгарским армиям разгромить Османскую империю и не только взять Проливы, но и вообще поделить с итальянцами, греками, французами и теми же болгарями почти всю Османскую империю.

А может, они разговаривают о нарядах и прочих женских тряпках. Модный дом «Натали» сейчас очень популярен, и его всякая продукция весьма востребована среди дам и барышень не только высшего общества Европы, но и всякого рода богемная тусовка охотно покупали наряды «от Натали».

Конечно, гофмейстерина ее императорского величества, будучи близкой подругой моей Маши, пользовалась протекцией, но и её собственной деловой хватке многие бы позавидовали. Дело она поставила на самую широкую ногу. А заодно легализовала от своего имени мои тайные финансовые вложения. И таких подставных лиц, и прочих контор у меня полно. Ну, не каждая собака в мире должна знать, сколько у меня на самом деле денег и ресурсов!

ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. РОМЕЙСКАЯ ИМПЕРИЯ. ИМПЕРАТОРСКАЯ ЯХТА «КОРОНА». 2 мая 1921 года

Княгиня Емец-Арвадская усмехнулась, глядя на окружающие их яхту корабли охранения. Рядом также шли более старые императорские яхты «Колхида», «Полярная звезда» и «Царевна». Многочисленные почетные гости, получившие высочайшую честь сопровождать «Корону» и августейших особ в Новый Илион. Что ж, это тоже некая разновидность легендарного Большого императорского выхода; за право быть приглашенным шли настоящие баталии в высшем свете, среди купечества, да и среди военных тоже. Плелись интриги, которым, возможно, позавидовали даже в Риме и в Ватикане. А поскольку доступа непосредственно к императору у большинства просителей не было, да и к императрице тоже, то довольно частенько соискатели монаршьей милости обращались к гофмейстерине двора, прося о протекции и замолвлении доброго слова перед государыней. Сулили всякие блага и благодарности.

Когда такое произошло в первый раз, княгиня даже слегка растерялась. Конечно, не могло быть и речи о том, чтобы взять «блага и благодарности». Слишком Натали была близка не только к трону, но и к самой царице Марии. Нет, у неё даже в мыслях нет дерзновенного предположения, что императрица считает её своей подругой. Но государыня доверяла ей многое. Доверяла государственные тайны такого масштаба, что дух захватывало. В конце концов, знаменитая каракошечка – помесь черной домашней кошки британской короткошерстной породы и кота каракала-меланиста, выведенная специалистами ЭСЭД, появилась сначала у самой императрицы, а затем у княгини Емец-Арвадской. Конечно, пошел в высшем свете разговор, что это именно муж – князь Емец-Арвадский, глава ЭСЭД, решил, пользуясь служебным положением, порадовать жену, но те, кто поумнее, быстро и четко поняли посыл – императрица благоволит своей гофмейстерине. Такая каракошечка стоила безумных денег, и следующей, кто получил такой императорский подарок, была родная сестра – царица Болгарии Мафальда Савойская. Как говорится, умеющий уши да увидит, имеющий нюх да поймет.

Но, к удивлению Натали, императрица Мария лишь рассмеялась, услышав о предложении крупной взятки.

– Знали бы они, какие суммы проходят через тебя ежедневно и насколько ничтожно их предложение, то они бы ночами не спали, в поту метаясь по постели, гадая, не оскорбили ли они тебя и что с ними теперь будет. Но раз эти дураки готовы платить деньги, то почему бы их не взять, а?

Натали осторожно промолчала. Двор учит осмотрительности, даже если ты фаворитка государыни. Впрочем, царица не стала особо ждать ответа, почти сразу продолжив развивать свою мысль:

– Давай так поступим с этими дураками. Собирай прошения и подношения. Сверься потом со списками реально приглашенных. Возможно, кого-то уже внесли в список. Если же кого-то можно внести безболезненно, то сразу передавай их дела шефу Службы безопасности высочайшего двора генералу Климовичу, пусть они там присмотрятся. Если всё нормально, то пусть эти дураки перечисляют деньги в твой благотворительный фонд, а оттуда они напрямик пойдут в ведомства императрицы Марии. Я лучше приглашу этих петухов покрасоваться в последнем ряду на Императорском выходе, но зато построю на эти деньги лишнюю школу или больницу.

«Аттракцион невиданной щедрости!» Натали вспомнилось это выражение царицы, которое с некоторых пор стало одним из её любимейших.

Что ж, это было объяснимо. Деньги были безразличны молодой императрице. На бриллианты и наряды она смотрела довольно равнодушно, в личной жизни могла себе позволить всё, что только её душенька пожелает, не зря ведь ее августейший супруг был одним из самых богатейших людей мира. Конечно, княгиня не имела понятия о том, какими средствами обладал император, но судя по тем огромным суммам, которые шли через саму Натали, у царя-батюшки кубышка была весьма и весьма глубока. И денег там было с горкой. Одно только финансирование борьбы женщин за свои права в Европе и США вылетало в такую копеечку, что предлагатели взяток просто удавились бы от зависти и огорчения.

Нет, как и всякая добропорядочная жена, царица регулярно просила у мужа деньги «на шпильки и булавки» в виде строительства школ и больниц, на обучение фельдшеров, прочего медицинского персонала, на подготовку учителей, на финансирование детских приютов, домов призрения, где заботились об инвалидах. Десятки и сотни программ по всей гигантской Империи.

Императрица как-то обмолвилась Натали о том, что была поражена ничтожности уровня образования и медицины среди простого народа. В её родной Италии тоже было не всё благополучно, но вот такого...

В России, кстати сказать, было вполне приличное академическое образование. Вот только доступ туда был закрыт для большинства населения. А пресловутое повеление Александра Третьего, ограничивавшее «кухаркиным детям» возможность такое образование получить, совсем уж подрубило начинавшееся слабое движение к просвещению масс.

Понятно, что сама Наталья Иволгина, будучи потомственной дворянкой и дочерью ныне генерала Иволгина, получила блестящее образование в Смольном институте благородных девиц, то вот десятки миллионов её сверстниц из крестьянской и рабочей среды часто не умели ни писать, ни читать, а считать умели только деньги или мешки. Абстрактный счет был недоступен их пониманию.

И вот теперь императрица развила кипучую деятельность по программе «Ликбез», точно так же, как она с 1917 года развивала программу «Народная медицина», строя больницы и медпункты, готовя фельдшеров, сестер и братьев милосердия, закупая лекарства и оборудование. Тех же новомодных кварцевых ламп сколько выпустили!

– О чём задумалась, подруга?

Маркиза ди Берголо баронесса Мостовская оторвала Натали от созерцания моря и кораблей.

Княгиня Емец-Арвадская пожалала плечами.

– Да так, накатило что-то. Было много работы по подготовке Всемирной выставки. Да и с достойным открытием курортного сезона в Новом Илионе не всё было гладко до самого последнего момента. Конечно, там были назначенные ответственные люди, но государыня всё время требовала от меня отчетов о ходе дела, ведь она поставила четкую задачу – всё курортное побережье Ромеи на Средиземном море должно отвечать взыскательному вкусу отдыхающих, а сам Новый Илион должен был превзойти Ниццу и Монте-Карло. Ибо деньги отдыхающих и прочих прожигателей жизни должны оставаться в Империи, а не вывозиться за границу.

Мостовская кивнула.

– Да, работка ещё та.

Тут в воздухе загудели моторы. Серебристая металлическая птица пролетела высоко в небе, направляясь в сторону Нового Илиона.

Мостовская с грустью смотрела вслед самолету.

– Новейший Ту-3. Скучаете по небу?

Все кивнули.

Помолчали. Чтобы как-то нарушить молчание, Натали обратилась к светлейшей княгине Волконской:

– Софа, какие новости в Ватикане?

Софья Алексеевна улыбнулась. Вопрос был задан по адресу, ведь кто как не жена личного посланника императора Михаила при Святом Престоле знает все сплетни Ватикана?

– Клянут тебя последними словами и крайне недовольны твоими действиями по организации движений за женское равноправие по всей Европе. Это очень беспокоит консервативную часть клира и самого Папу.

Натали рассмеялась. Знали бы в Ватикане, *сколько реально* брошено сил и средств на развитие и продвижение этой идеи в массы, сколько всяких суфражисток получают деньги из всевозможных «Фондов женского равноправия», как организовываются женские митинги и демонстрации, то они бы за голову схватились. Нет, в Ватикане, конечно, не дураки сидят и всё прекрасно понимают, тем более что именно Россия стала флагманом и образцом для женщин других стран, ведь император Михаил, едва взойдя на престол, тут же это самое равноправие и провозгласил, первым в мире из приличных стран даровав женщинам избирательные права, дозволив служить в армии и в авиации, и в ходе всей войны газеты Антанты пестрели фотографиями, как император лично награждает отличившихся женщин-военных орденами и титулами. Да так, что в Россию потянулись добровольцами женщины-летчицы из Франции, Италии, Британии, Америки. И, естественно, вернувшись домой, они стали иконами, которые вдохновляли на битву за права барышень всех возрастов.

А уж после войны, когда в России восстановили действие Конституции и провели выборы в Госдуму, куда прошли сразу две женские партии, движение масс в Европе и Америке приобрело резкое ускорение.

Так что цель государя изнутри взорвать стабильное патриархальное общество Европы и США давала свои плоды. Так что сакраментальное «Церковь, дети, кухня» работало уже не везде. Политикам приходилось идти на уступки, надеясь на то, что благодарные женщины проголосуют именно за них и за их партии (хотя так случалось далеко не всегда). А дамы и барышни требовали всё большего и большего.

Так что правильно в Ватикане волнуются.

ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. РОМЕЙСКАЯ ИМПЕРИЯ. ИМПЕРАТОРСКАЯ ЯХТА «КОРОНА». 2 мая 1921 года

Князь Емец-Арвадский хмуро вздохнул. Не нравилась ему эта затея. Собрать ТАКОЕ количество правителей держав Европы и мира на одной яхте было крайне рискованной затеей. Да, возможно, утверждение министра информации графа Суворина о том, что это даст потрясающий эффект, а авторитет Империи поднимется на небывалую высоту, и имели под собой все основания, но слишком соблазнительная цель. Слишком.

И хотя государь заверил его, что все меры безопасности приняты, на душе у князя было неспокойно. Не зря же пожаловал император Емцу за труды княжеский титул, особняки в Москве и Константинополе, а также острова Арвад и Авалон! Пожаловал как раз за то, что умел Емец находить решение там, где его не могло быть. Могут найтись и другие, не менее хитрые и пронырливые.

В конце концов, лично будущий князь организовал торпедирование и подрыв мин, прикрепленных ко дну роскошной яхты одного из богатейших людей Америки Джейкоба Шиффа, бывшего по совместительству злейшим врагом императора Михаила.

И собрался там весь цвет Уолл-стрит, и отмечали они юбилей Шиффа со всей возможной роскошью и небывалыми мерами безопасности. И где теперь сам Шифф и половина его гостей? На дне бухты Нью-Йорка. А ведь тоже считалось, что это совершенно исключено.

В конце концов, генерал Скалон тоже уверял государя в том, что все меры безопасности на Красной площади приняты по максимуму. Лишь чудо спасло в тот день императора – он задержался на пару минут, принимая чьё-то нижайшее прошение на Высочайшее имя. Окажись он на трибуне или непосредственно рядом с ней, то погиб бы гарантированно.

Сотни погибших, включая августейшую мать Михаила Второго, премьер-министра, нескольких министров, генерал-губернаторов Москвы и Петрограда... Сотни и сотни погибших.

Кровавая Пасха.

А всё потому, что глава Имперской СБ генерал Скалон не решился доложить императору о том, что куда-то исчез Игнатий Стеллецкий, который отвечал за подземные ходы под Кремлем и Красной площадью. А того похитили исполнители теракта. Ящики с динамитом в подземелье под трибуной и часовой механизм. Вот и вся недолга, как говорится.

Михаил Второй, конечно, обиделся и для начала прилюдно сломал челюсть генералу Скалону и велел отправить того под трибунал. Потом, когда после долгих поисков и следственных действий вышли на заказчика, государь вызвал Емца и повелел любой ценой покарать Шиффа.

Результат на дне.

ИМПЕРСКОЕ ЕДИНСТВО РОССИИ И РОМЕИ. РОМЕЙСКАЯ ИМПЕРИЯ. ИМПЕРАТОРСКАЯ ЯХТА «КОРОНА». 2 мая 1921 года

Султан Мехмед V, халиф правоверных, оперевшись руками на борт яхты, мрачно смотрел на проплывающие мимо берега Мраморного моря. А ведь когда-то это всё принадлежало Османской империи, а значит, принадлежало лично ему. За что Аллах отвернулся от них? В чем их грех, что оказались они загнанными в центральную часть Малой Азии и лишились любого выхода к морю?

Его подданные голодают и выживают лишь на подачки от русских и итальянцев. Скучная гористая почва не может прокормить такое количество народу. Попытки делать набеги на русские станицы и уводить в рабство русских закончились решительно и плачевно и для участников набегов, и для тех, кто их в эти набеги отправлял. Последних просто убивали вездесущие российские силы специальных операций.

Отдельной проблемой было существование Карамании. Дело дошло до штурма Анкары, и лишь жестокая бомбардировка наступающих войск русской авиацией спасла тогда Османию и самого Мехмеда V.

Положение было нетерпимым. Существовавшая надежда на то, что им помогут британцы, оказалась пустой. Русские и итальянцы надежно контролировали побережье и небо, так что лишь особо везучие контрабандисты могли козьими тропами что-то доставить.

Пришлось идти на поклон к Михаилу. Но тот лишь жестко ответил, что он выпустит из Османии тех, кто отправится в Египет бороться с английскими колонизаторами, помогая братьям по вере сбросить колониальное ярмо. Либо тех, кто перейдет в христианство. Мол, и так, оставшихся в Ромее мусульман девать некуда, зачем ему новые толпы?

Собственно, русские проводили в Ромее довольно жесткую религиозную политику. Мусульманам жить в «зонах безопасности» вдоль побережий не разрешалось. Многих выселили во внутренние районы Ромеи. Исключения делались только для тех мусульман, кто служил в русской армии во время войны или сейчас. У тех был полноценный статус, уравнивающих их с прочими подданными русского императора. А вот прочим мусульманам повезло меньше. Кроме того, они платили повышенные налоги, они также были ограничены в перемещении за пределы своего района проживания. Нужно ли говорить, что мусульмане начали все с большей скоростью принимать христианство? Тем более после того, как появились очевидные факты, что Михаилу Второму благоволит сама Богородица и дарует ему озарения и пророчества.

С этим что-то нужно было делать. И он прибыл к Михаилу униженный и со смятением в душе. На борту яхты к нему не подошел ни один монарх, даже афганский король. Мехмеда V обходили, как зачумленного...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.